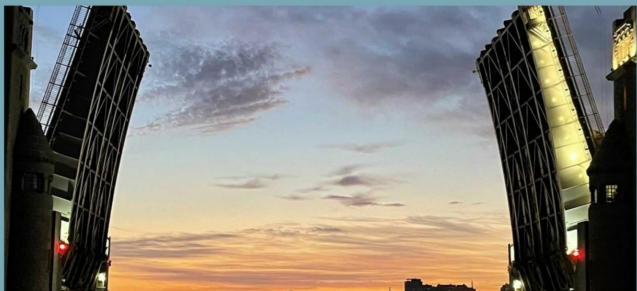

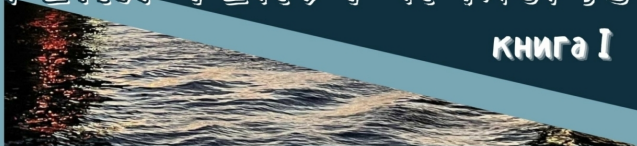

Ю_ШУТОВА

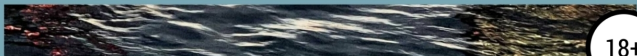

РЕКИ ТЕКУТ К МОРЮ

книга I

КУРС ЛЕЧЕНИЯ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

18+

Ю_ШУТОВА
Реки текут к морю.
Книга I. Курс лечения
несчастной любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55818874

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-92301-0

Аннотация

Своеобразная семейная сага, написанная "назад во времени". Сначала история современной девушки, потом ее матери и теток, затем бабки и прабабки. И дальше вглубь времен. Все судьбы единой нитью связывает старая расколотая надвое икона. И еще детская считалочка. Все только начинается: Лиза прячется от своей несчастной любви в белорусском санатории и встречает там незнакомую родственницу.

Содержание

Лиза	6
Музейные мышки	6
Первая тайна	20
Игорь, Игорек, Игореша	43
Курс лечения несчастной любви	65
Люся	76
Дорога в Ленинград	76
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ю_ШУТОВА

Реки текут к морю.

Книга I. Курс лечения несчастной любви

Все реки текут к морю. Широкими потоками и узенькими, перепрыгнуть можно, ручейками. Таща на спинах груженные баржи, баркасы или надувные лодченки, кому как придется. С ревом свергаясь со скал, проваливаясь в карстовые трещины, тихо просачиваясь сквозь болотца. Выныривая из-под земли и снова прячась в нее. Сливаясь вместе, чтобы чуть позже разбежаться в разные стороны. Забывая свои истоки. И каждая река так или иначе добирается до своего моря. Даже если мы этого не видим.

Все реки текут к морю.

Всегда.

Девочка стоит на краю длинной насыпи, врезавшейся в реку. Насыпь ничем не продолжается, когда-то очень-очень давно здесь был мост, но его нет, разрушили в войну, только серые каменные опоры, быки, словно бредут через воду к тому берегу. И вода закручивается вокруг них, она коричневая, почти рыжая, такого же цвета как конь Орлик, что возит на телеге ящики с продуктами в их магазин. И как конь, река

задирает голову и машет гривой, и с этой гривы летят пенные гроздья. Вдоль реки дует ветер, и трава на склонах насыпи колыхнется и шуршит. Девочка слышит, как ее зовут по имени, тихонько-тихонько. Кто ее зовет? Ветер? Трава? Река?

Нет, это мама зовет. Она осталась там, сзади, где на склоне насыпи есть маленький песочный пляж и затон, и где можно купаться, там совсем нет течения. Девочка разворачивается и вприпрыжку бежит назад, к маме, своему плавательному кругу, такому новому и красивому, синему с красными рыбками, к своему ведерку, лопатке и формочкам. Она уже не помнит про реку, она занята более важными мыслями: *«Как сделать так, чтобы вода, налитая в яму, не просачивалась в землю, сколько «блинчиков» можно сделать, если найти правильный камень, почему не тонут водомерки»*.

Но когда вечером девочка ляжет спать и закроет глаза, она снова увидит реку, и та превратится в табун рыжих лошадей, бегущих где-то у нее под ногами. И тогда девочка медленно раскинет руки и полетит сквозь ветер через реку, прямо на тот берег, где нет ничего кроме зеленой травы, зовущей ее по имени.

Лиза

Музейные мышки

Однажды теплым солнечным днем в одном провинциальном русском городе... Нет, все это уже было. Сначала солнечный день, потом перистые облака, которые, если бы, конечно, снизошли до мелких человеческих дел, могли бы увидеть, как по аллее сквера... Или вот еще того лучше: легкий ветерок, игравший листьями готовой расцвести сирени, вдруг отвлекся и полетел вслед за... Бросим все эти экивоки и начнем четко, без лишних красивостей. Хотя и перистые облака, и ветерок действительно присутствовали.

Итак, теплым солнечным днем 28 мая 201... года по аллее расположенного прямо за железнодорожным вокзалом сквера шли пятеро девушек(?). Нет, всех пятерых назвать девушками никак нельзя. Если для двоих из этой компании закат девической юности догорел не так давно, и привстав на цыпочки, можно даже разглядеть последние розовые сполохи этого самого заката, то еще парочка из этой компании на девушек совсем не смахивала. Пожалуй, их стоит считать дамами. Пятую особу тоже можно отнести к дамам, но тогда уж к дамам постбальзаковского возраста, чей стаж девической юности перешел уже в пенсионный.

Ну и как нам объединить их в единое целое? Пятеро женщин? Суховато. Что-то среднее между советской очередью за дефицитом и женской консультацией. Пятеро особ женского полу? Вы меня простите, но это уже какой-то протокол в полицейском участке года этак 1913-го, пожалуй. Подрас-теряла русская словесность многое на своем тернистом пути, теперь вот даже не знаешь, как и вывести своих героинь в люди. Ну да ладно. В общем, они шли.

Шли весело, воодушевленно, нагруженные букетами пестрых тюльпанов, большой коробкой с тортом, чем-то еще скрытым в матерчатых сумках, но наверняка вкусно-домашним. Впереди всех шествовала та самая постбальзаковская дама, высокая полнотелая, обтянутая сиреневым плюшем спортивного костюма, на спине толстовки пайетками вышита фраза "EASY GIRL". Наталья Николаевна – старший («самый старший!» – как она говорила гордо) научный сотрудник отдела древнерусской живописи местного музея. Через ее пышное плечо были перекинuty связанные шнурками некогда белые, а теперь вытертые, потерявшие былой лоск, фигурные коньки.

Собственно, не с Натальи надо было начинать, ну шла она впереди, ну и что. Только начали, а действие уже какими-то кругами поехало. Вон она, сзади всех шлепает, как-то прихрамывает, или нет, не прихрамывает, а просто подтаскивает левую ногу – лопнул ремешок босоножки, и та, превратившись в шлепанец, все время норовит теперь свалиться с

ноги и тормозит Лизу. Лиза – главная наша героиня. Елизавета Юрьевна Вихрова, 26 лет, образование высшее, исторический факультет местного университета. Как легко появлялись в девяностые университеты. Вот были в городе пединститут и политех. Думаете, этого достаточно? Не-а. А вот если еще и медучилище было, тогда успех. Медучилище быстро в мединститут трансформируем, сливаем все три вуза и ура! – университет готов. Вот его Лиза и окончила. Младший научный сотрудник. Понятно, чего. Выше уже сказано. Внешность обыкновенная. Таких девушек принято описывать с "не". Например, так: была она НЕ высока, но как-то по-особому стройна и легка .., или вот так: НЕльзя назвать ее красивой, но в ней все счастье мое... Это все НЕ о Лизе. А о Лизе скажем так: НЕ затейливого вида девушка, НЕ накрашена, НЕ слишком модно одета, в общем, НЕ блещет и ничем таким особым НЕ отличается. НЕ выделяется в толпе, таких тринадцать на дюжину. И далее: НЕ глупа, достаточно образована, но НЕ любит выскакивать как чертик из коробочки с бойкими сентенциями.

– Лиза, ну что там у тебя, чего отстаешь-то? – это Женя, вторая девушка в этой компании, она оглядывается, пытается поторопить подругу, но, видя, что у той обувная авария, останавливается:

– Ну как всегда у тебя, не понос, так золотуха. Ну давай сюда, – она забирает у Лизы сумку, где брякают о большой термос с чаем две бутылки кинзмараули, ставит ее на ска-

мейку и роется в кармане своих джинсов.

– На вот, – Женя вытаскивает из кармана веревочку, – свяжи оба конца ремешка.

– Как?

– Да просто. Поставь ногу на скамейку.

Женя ловко связывает своей веревочкой разорванный ремешок босоножки.

– Вот, не Версачи, конечно, но дойдешь.

– Спасибо, Женечка, у тебя всегда под руками какой-нибудь ремкомплект найдется.

– А ты как думаешь. Веревочка – первое дело. Я вот, помню, колготками глушитель у машины подвязала, неделю еще так ездила.

Женя высокая и стройная, но Лизе кажется, не красивая, такая «девочка-мальчик». И фигура, и ухватки мальчишеские, да и увлечения, пожалуй. Гонять на машине или гулять свою собаку. Собака у нее – огромный черный ньюф, девочка, зовут Шерри. Такая же толковая, как и хозяйка, даже умеет в звонок квартирный звонить. Но вот ключами пользоваться пока не научилась. Зато Женя все умеет. Даже с дрелью управляется, что по мнению Лизы, является вообще неким запредельным уже умением.

Как-то карниз со шторой в отделе рухнул. И Лизу послали к завхозу, Еленьмитревне. Еленьмитревна – крепкосбитая, даже на вид, надежная, как свая, тетка. И так же крепко держит вверенное ей хозяйство. Только сама решает менять

ли сдохший у смотрительниц полотер на новый или еще раз чинить, давать ли взамен рассыпавшегося от ветхости стула такой же раритет или выдать из только что закупленной новой партии. И каждый квартал устраивает перепись всего вверенного ей добра, *«а то мала ль кто-нить чево-нить»*. Несмотря на то, что проторчала она в музее, можно сказать, на передовом крае культуры, с лихом тридцать лет, ухитрялась сохранять свой нижнеломовский говорок. Среди музейных дам имела она прозвище Кулак. Через десять минут Лиза вернулась в отдел с ответом: *«А не нада таки шторы тязаленны весить... Все в отпуску... Я теё сама на стенку лезти буду?.. Через неделю Михалыч с дачи воротиче, навесит»*.

Перспектива ждать неделю никого не устроила, и Женька домой за дрелью метнулась и, раз(!) все сама сделала. Быстро и ловко. Куда там Михалычу, дачнику-пенсионеру, тот бы полдня копался. Может, как раз поэтому и живет Женя одна, ну в смысле, вдвоем со своей Шерри, в крохотной однушке. То ли ей никто не нужен, то она никому не нужна. На такие темы Лиза с подругой старается не говорить. О чем тут говорить, вся личная жизнь у самой-то в отделе проходит, даже собаки, и той нет.

Вернемся к остальным. Хотя они не будут присутствовать на этих страницах слишком долго, все-таки надо сделать дамам одолжение и представить их, покрутить перед нашим

мысленным взором так и эдак, чтобы было понятно, среди кого Лизе приходится проводить свое время. Тем более, что идти им еще где-то с полчаса, времени нам хватит.

Вот ее начальница. Это она несет в одной руке букет тюльпанов, а в другой – большой торт, гордо демонстрирующий свои кремовые прелести сквозь прозрачную крышку.

Анна Леопольдовна всегда устраивает корпоратив отдела в конце мая – как она говорит, перед началом горячего сезона – а на самом деле совмещая ставший в последние годы обязательным офисный праздник с собственным днем рождения, что приходился как раз на одно из последних чисел месяца. Женщина она одинокая, приглашать на день рождения ей особо некого, а тут все свои, девочки из отдела, знакомые уже не первый год.

Хозяином дома Анны Леопольдовны и ее домашним тираном стал кот, пятилетний сибирский красавец, крупный, кругломордый, серый с палево-персиковым подшерстком. Лапы широкие, мужицкие, хвост султаном, глаза желтые, наглые, хозяйские или, как говорит сама Анна Леопольдовна, бестрепетные. Такой кот был вполне достоин имени Лорд или, хотя бы Милорд, но носил самое простецкое кошачье имя Васенька.

Был Васенька не то, чтобы избалован, нет. Свой нрав он начал проявлять сразу, еще когда примерно месячным тощим котенком был обнаружен Анной Леопольдовной на лестнице перед дверью собственной квартиры. Откуда толь-

ко берутся котята на лестницах в подъездах, закрытых на замки, а то и с консьержкой внизу? Мамаши-кошки что ли пристраивают своих подросших деток в добрые руки, выводят, так сказать, в люди?

Анна Леопольдовна взяла мяукающего почти на ультразвуке малыша в ладони и пошла обходить квартиры. Понятно же, что котенок сбежал у кого-то, а иначе откуда бы ему взяться в закрытом подъезде в декабре. Дом ее был старым, послевоенным, трехэтажным, квартир в подъезде всего девять. Она честно обошла всех, но соседи, все как один, отказались признавать котика своим. Пока Анна Леопольдовна ходила вверх-вниз по лестнице, пушистик пригрелся у нее на руках, заурчал и, приобняв крохотной лапкой ее за грудь, заснул. *"Ладно, сегодня пятница, пусть останется у меня на выходные, а в понедельник пристрою кому-нибудь в музей, смотрительницы может возьмут или уборщицы,"* – и, бросив на пол в прихожей старую кресельную накидку, устроила сироту рядом со "скорбной" скамеечкой, присев на которую, обычно разувалась. Но не тут-то было, проснувшийся котенок немедленно отправился осматривать квартиру и, пройдя по периметру прихожей – кухни – комнаты, устроился в кресле у телевизора. Сколько не сгоняла его оттуда Анна Леопольдовна, котенок немедленно возвращался обратно.

Когда поздним вечером Анна Леопольдовна устроилась в своем кресле смотреть "Аббатство Даунтон" по Культуре, сброшенный в очередной раз на пол котик впрыгнул ей на

колени, потоптавшись, улегся и свернулся клубком. Так она и смотрела фильм, поглаживая мягкую серую шерстку, пальцами чувствую под ней тоненькие хрупкие косточки: "Эх ты, Васенька."

В понедельник вопрос, как пристроить котенка, даже не поднимался.

Как-то не заметно для хозяйки кот вырос. Большую часть дня он проводил на окне, активно наблюдая со второго этажа за весенней жизнью двора. Он непрерывно мел хвостом, вскакивал и ходил взад-вперед по подоконнику, как лев в клетке. И тогда на пол летело все, что Анна Леопольдовна имела неосторожность там пристроить: программа и очки, текущая книга и кофейная чашка, забытая утром. Иной раз Васенька издавал звуки. Вообще он был на редкость молчалив, возможно потому, что не приходилось ему ни просить хозяйку, ни приказывать ей – еда, вода и прочие необходимые для кошачьей жизни атрибуты подавались всегда вовремя и как надо. А сейчас на особо волнительные сцены дворовой жизни кот реагировал эдаким утробным подвыванием, начинавшимся где-то в животе, тянувшимся на одной ноте и вдруг взлетающим в верхний регистр диким индейским воплем.

Да, реальность за окном возбуждала. И Васенька решил вмешаться.

Тихим мартовским вечером Анна Леопольдовна спешила домой. Она поднялась на свой второй этаж, не выпуская из

рук сумку и пакет с продуктами, нашарила в кармане пальто ключ и открыла дверь. В ту же секунду под ноги ей кинулось что-то бесформенное-серое и, превратившись в ее любимого кота, помчалось вниз по ступенькам.

– Васенька! – ошалевшая Анна Леопольдовна, швырнула через порог сумку и пакет. Она даже не вспомнила, что там в пакете лежали четыре стеклянные баночки с йогуртом, и помчалась вслед за котом.

"Куда он из подъезда денется-то, дверь на замке," – думала она, остывая и постепенно сбавляя прыть. Но на беду сегодня была открыта подвальная дверь под лестницей. Расписание открытия и закрытия этой самой двери было тайным знанием коммунальщиков и до сведения жильцов подъезда не доводилось никогда. Смысл периодического открывания маленькой дверцы тоже оставался ведом лишь служащим коммунального культа. Сквозь этот сакральный портал и проскочил Васенька.

Анна Леопольдовна на автопилоте влетела туда же, но тут же резко затормозила. Найти хоть какое-то подобие выключателя ей не удалось, темнота в подвале казалась непроглядной. Вернувшись в квартиру, Анна Леопольдовна решительно перешагнула валявшиеся на полу сумку и пакет, под которыми потихонечку расплывалось белое йогуртовое пятно, взяла фонарик и, надев на всякий случай резиновые сапоги, вернулась в подвал спасать. Она сделала массу неожиданных открытий о жизни в подвальных углах и закоулках, многое

узнала о системе подключения дома к теплу и водопроводу, но кота так и не нашла. Он уже давно выскользнул на улицу через отдушину. Прогулка по двору, обход ближайших помоек и гаражей тоже не принесли результатов. Ей оставалось только ждать...

Весь вечер с периодичностью в полчаса Анна Леопольдовна открывала входную дверь, выходила на улицу, постояв у подъезда и покискав, возвращалась в квартиру. Сначала она переживала: мало ли что может случиться с бедным котиком. Потом начала злиться: это ведь надо же, какое глупое животное, на волю его, видите ли, потянуло. А под конец обиделась: подлая скотина, променял меня и домашний уют на сомнительные помоечные радости. И обидевшись, уселась смотреть какой-то очередной сериал. Но смотрела, надо сказать, не внимательно, и когда за входной дверью раздался утробный кошачий вой, мгновенно подхватила и понеслась открывать. По коридору неслась разгневанная фурия, брошенная Медея, предвкушавшая сладость мести. В прихожую примчалась, победно трубя в рог, Валькирия, прекрасно осознающая, что таких как она не бросают. А дверь открыла донельзя счастливая мамочка: вернулся сыночек любимый.

– Васенька! – взять на руки, прижаться щекой к влажной, пахнущей последним снегом и первой землей шерсти.

Счастье.

Но за всякое счастье надо платить. И Анна Леопольдовна

заплатила нервами и своим поражением в борьбе Васеньки за личную свободу. Еще раза три или четыре пыталась она стать плотиной на Васенькином неумемном стремлении к воле, но в итоге сдалась, и между ними был заключен договор. Договор скрепили ошейником с круглой медалькой, на которой был выгравирован телефон Анны Леопольдовны. Теперь, уходя утром на работу, она выпускала кота на улицу, а когда вечером возвращалась домой, Васенька обычно ждал ее у подъезда. Кстати, опозданий он не терпел.

Сторонница здорового образа жизни, Лизина начальница никогда не соглашалась на тривиальные посиделки в ресторане, а стремилась в этот день устроить своим девочкам какое-то интересное и полезное мероприятие. Например, в прошлом году они играли в пейнтбол. Правда, Лизу не очень вдохновила беготня и прятки в лесу. Подстрелить она никого не успела, потому что первой подстрелили ее, и дальше она уже готовила стол для продолжавших охоту друг на друга и визжащих от возбуждения музейных мышек. Но все остальные были очень довольны.

Теперь же Анна Леопольдовна решила поставить весь свой отдел на коньки – они пойдут в недавно открывшийся в городе Ледовый дворец.

Эту мысль подсказала ей Верунчик. Та всегда была в курсе всех городских новостей, приносила их на хвосте в отдел, и бодро стрекотала целый день, создавая легкий звуковой фон,

на который, как на белый шум, никто уже не обращал внимания. Достаточно было иной раз подать ответную реплику или просто поугукать, и речь Верунчика катилась дальше, как ручеек по камушкам. Анна Леопольдовна пересекалась с Веркой Новиковой всю жизнь, та с завидной и абсолютно непредсказуемой периодичностью выскакивала перед ней. Жили в соседних дворах, но не дружили, Верка гоняла с пацанами на велике, тихая Аня воспитывала своих кукол под большой деревянной горкой. Когда Анна уже училась в Ленинграде на третьем курсе истфака, на общежитской кухне она вдруг нос к носу столкнулась с Веркой, первокурсницей. А на пятом, Анна тогда была в комитете комсомола факультета, ей пришлось принимать участие в разбирательстве личного дела Верунчика. Та едва не вылетела из института. А все ее длинный язык и, как всю жизнь считала, Анна Леопольдовна, короткий ум.

С ними училось тогда много колумбийцев. Колумбийцы были ребята дружные и веселые, постоянно собирались в общаге большими компаниями, и – песни-пляски до утра. Ясно дело, кое-кому и спать мешали. И Верунчик заявила однажды на этот вечный праздник жизни и в порыве борьбы за справедливость и спокойный сон бухнула, что ночь уж на дворе и пора заканчивать этот ихний КОЛУМБАРИЙ. И кто-то из них оказался настолько знающим русский язык, что понял смысл, и избиделся. И нажаловались колумбийцы на Верку, и получила она по полной програм-

ме за нарушение принципов интернационализма и оскорбление, наоборот, национального достоинства и чувств наших иностранных товарищей. Но все-таки не вылетела, потому что, хоть осуждали вслух строго, но в душе было смешно. И кстати, словечко то, «колумбарий», надежно закрепилось в общежитской среде, но произносилось теперь лишь среди своих.

А непотопляемый и неунывающий Верунчик рулил по жизни дальше. На пятом курсе она вышла замуж за какого-то араба, сирийца, кажется, и уехала с ним. Нет, вовсе не в жаркие страны. Молодожены рванули в Финляндию, Верка вдруг вспомнила, что она финка по бабушке, и даже знает пару детских песенок на родном языке. А с мужем-иностранцем все выходы из Союза открыты. Прожили они там не мало лет, но, видимо, муж ее так и не адаптировался к холодам, и покорный зову крови и пустыни, однажды засоби-рался на родину. И Верунчик тоже решила ехать на родину. На свою. Наскоро разведясь, побросав немудрящие шмотки, к которым всегда была равнодушна, в пару чемоданов, она приехала в их тихий город, в свою старую квартиру к своей старой матери. И однажды опять выскочила перед носом Анны Леопольдовны прямо на пороге отдела древнерусской живописи.

Кататься на коньках Верунчик не умела, но она всегда с готовностью хваталась за любое, казавшееся ей увлекательным, дело, даже если не петрила в нем ни уха, ни рыла. Так

что, можно сказать, сегодняшняя идея отправиться в Ледовый, это была ее, Веркина идея.

Первая тайна

Все, добрались, получили прокатные коньки, сгрузили все сумки с вкусняшками в камеру хранения («*Часок покатаемся и поляну накроем, я, девочки, местную кафешку забронировала*», – воодушевила всех Анна Леопольдовна) и покати-ли. То есть по-настоящему покатила Наталья. Высказав все подходящие к случаю сентенции: «Старый конь борозды не испортит», «Талант не пропьешь», а заодно и «Красоту, ее не спрячешь», она плавно поехала по кругу, широко разведя руки. Все быстрее и быстрее, словно сначала приноравлива-ясь ко льду, а надежен ли, а не коварен ли, и вот поверила и полетела, и вдруг закружилась на месте здоровенной сире-невой юлой, поехала спиной вперед и раз(!) прыгнула. Мо-жет быть кто-то сказал бы, что похожа она больше всего на циркового тюленя, но Лизе казалось, что это очень красиво. Сама она обувала белые высокие ботинки с длинными-пре-длинными шнурками, путалась в них, и, если бы не Женя, проколупалась бы с ними половину отпущенного им време-ни. Когда Лизе удалось, перебирая руками по бортику, дойти до калитки, туда как раз подъехала Наталья. Она улыбалась, покрасневшись и помолодев лет, бог его знает, на сколько лет, все равно это запредельная старость:

– Ну что, Лизавета, поехали?

– Да я не умею, Наталья Николаевна.

– Да ты не бойся, девонька, на льду все падают. И ты упадешь. Так что и бояться нечего. Упадешь и поднимешься. В детстве что ли не каталась?

– Не каталась.

Куда ей. Мама не разрешала. Ленуся, тетя Лизочкина, взяла ее один раз на каток зимой, Лизе тогда лет десять уже было. А потом у нее воспаление легких случилось. Как мама тогда ругалась! На Ленусю, конечно, не на Лизочку. И больше ни-ни, ни коньков, ни лыж: *«Девочка слабая, пневмония три(!) раза уже была, в гроб ее вознать хочешь?!»* Лизочку с четырех лет на танцы водили, это и красиво, и для фигуры хорошо, и в помещении.

Лиза танцы ненавидела. Девочек в купальничках черных и юбочках из тафты ненавидела. И себя в такой же юбочке в зеркале ненавидела. Но не спорила, ходила. Пока мама с Ленусей на какой-то их концерт в местном ДК не пришли и не посмотрели. У них преподавательница была на Айседоре Дункан помешана: *«Импровизация... Слушаем музыку, чувствуем ее... Видим образ... танцуем его...»* Эту импровизацию к концерту они репетировали полгода. И вот на первом плане девочки постарше красиво движутся под какой-то ноктюрн, а во втором ряду те, что поменьше, и Лиза крайняя слева. В музыку она не попала ни разу, двигалась угловато, поворачивалась не в ту сторону, куда все. В общем, Ленуся потом смеялась, а мама тащила ее за руку домой, бежала рысью, будто опаздывала куда, и молчала. И дома уже: «Это,

вообще, что? Ты сколько лет уже на эти танцы? И что? Ты же пляшешь с грацией прострелянного навывлет шезлонга!» Когда в маминой речи возникла пауза, Лиза тихо сказала: «Айседор из меня не вышел» и демонстративно вздохнула. Она ликовала: *«Конец! Конец танцам! Большие мама ее туда не поведет. Позориться не захочет»*.

– Вот, держись, – Наталья подтолкнула к Лизе большого пластикового мишку, с двух сторон из него торчали черные ручки, – только не дави сверху сильно, опрокинется.

Лиза толкнула слегка медведя вперед, переступила ногами. Не поехала, нет конечно, пошла по льду. Наталья не отставала:

– Присядь пониже, ноги-то согни в коленках, на прямых не поедешь. Еще пониже, будто попой стул ищешь. Вот, молодец. Теперь одной ногой толкаешься, на другой скользишь. Вот, вот, умница. И так все время, раз-два... Раз-два...

И Лиза действительно поехала. Чуть-чуть, но скользила. Потихоньку вдоль бортика, но ехала же. Чудо. Теперь у нее была возможность оглядеться. Наталья умчалась к другим. Вон Анна Леопольдовна с Верунчиком, опираясь на таких же мишек, потихоньку ползут. Вон Женька, эта и тут не сплывала. Она взяла себе не фигурки, а хоккейки, и сейчас лихо носилась, нагнувшись вперед, огромными шагами переставляя длинные свои ноги, тормозила на скорости так, что из-под конька поднимался фонтан ледяной трухи.

На льду они были не одни, хотя народу не много, человек

пятнадцать, да еще в одном углу группу совсем маленьких ребятешек тренировала девушка. Каждый раз проезжая мимо малышни, Лиза притормаживала. Подумать только, совсем крохи, лет по пять, сами-то чуть выше конька, а выделяют всякие фигуры, перепрыгивают с ножки на ножку, повороты, вращения, «пистолетик», «ласточку», «фонарик», «дорожку». А тренерша, молодая совсем, младше Лизы, им показывает, как делать, и все время: «умничка, зайка», «вот так, зайка, смотри...», «прыгай, зайка, не бойся, у тебя получится...» И улыбается им. И видно, что искренне. «*Вот бы и мне так*», – думает Лиза, и, проезжая мимо, тоже улыбается и малышам, и этой девушке.

Когда сеанс закончился, Лиза догнала уходящую со льда тренершу и окликнула ее:

– Подождите!

Та обернулась, стоя в открытой калитке:

– Да?

Лиза подъехала со своим медведем, с грохотом врезалась в борт, судорожно схватилась за него:

– Вы не могли бы со мной так позаниматься?

Девушка явно удивилась:

– С вами? Я только маленьких тренирую... Если хотите, я вам дам телефон, вам подберут инструктора.

Лиза сразу увяла, поняла, что зря и заговорила. Подберут инструктора... Она не хотела какого-то инструктора. Она хотела с этой улыбчивой девушкой.

– Спасибо... Не надо.

Она снова уцепилась за медведя, развернулась догонять своих.

– Пойдите, – девушка окликнула ее, – если только по вечерам... Вам вечером удобно?

Лиза резко крутанулась, оперлась на мишку, и тут он рухнул, увлекая ее за собой. Лиза упала, больно стукнулась локтем, уселась на лед. Девушка подъехала к ней:

– Не ушиблись?

– Ушиблась. Больно очень. Вот локоть.

– Заниматься не передумали?

– Не передумала.

– Тогда вставайте на коленки, с колен подниматься удобнее.

И только, когда Лизе удалось встать сначала на четвереньки, а потом на колени, протянула ей руку, помогла встать.

– Ну вот, первый урок, как вставать, вы уже прошли. На втором научу вас падать правильно. Давайте во вторник что ли, приходите в шесть. Меня Вероника зовут.

– А меня – Елизавета.

Она всегда хотела быть Елизаветой. Гордо нести царственное имя. Но не получалось. Никто не звал ее так. Мама с папой звали Лизонькой, Ленуся вслед за бабушкой Томой – Лизок, Лизочек. Ну а все остальные – Лизой. Но представлялась она всегда Елизаветой.

С Вероникой тоже не получилось, уже на первом занятии она стала «Лиза, зайка».

Все лето Лиза бегала по вечерам на тренировки. Три раза в неделю, по вторникам, четвергам и пятницам. Получалось у нее не особо, но она не переживала. Даже гордилась своими успехами, вот прошлый раз перебежка никак не шла, а сегодня, пожалуйста, получилось. То вообще не могла ногу даже приподнять, *«страшно, как я на одной задом поеду?»*, а теперь едет, и даже чуть прогнувшись в спине, и руки красиво разведены. Лиза считала, красиво. И Вероника, Ника, хвалила: «Умничка, зайка, у тебя получается». Ну и ругала, не без того: «Лиза, зайка, это же ласточка, а не вешалка, прогнись, ногу выше. Давай, зайка, постарайся».

Отпуск летом Лизе не предложили, но в этот раз она не огорчилась, ей было хорошо. А дома она ничего про свои занятия не сказала. Незачем. Мама переживать будет: *«Это очень травматичный спорт. Ты понимаешь, что ты делаешь? А если ногу сломаешь? Перелом шейки бедра, и все: ты – инвалид на всю оставшуюся жизнь»*.

Новые, очень дорогие, за двенадцать тысяч, коньки, купленные в профессиональном магазине «Фигурист»: кожаный белый ботинок, гелевое нутро, индивидуально на твою ногу формируемое, стальные австрийские лезвия, грамотная профи-заточка, настоящее богатство – хранились у Ники.

– Понимаешь, не хочу домой нести, сразу начнут меня

воспитывать. Можно, нельзя. Мне скоро тридцатник, но я же единственный ребенок, я одна, а их много: мама, папа, Ленуся, бабушка Тома. Вот они до сих пор и играют в меня. В дочки-матери. Не хочу их огорчать. Игрушку отнимать.

– Да не вопрос, зайка. Я на машине. Буду возить твои конечки. Не на горбу же таскать.

Эта тайна, первая в ее сознательной жизни настоящая тайна, словно поднимала ее над окружающими. Они думали, перед ними все та же Лиза, та, которую они прекрасно знают, видят каждый день, та к которой они давно привыкли и не ждут от нее каких-то сюрпризов. Но она-то знала, что она все не та серая музейная мышь. Серая музейная мышь осталась далеко, прошедшие три месяца превратились для Лизы в сотни световых лет, и разглядеть из своего настоящего ту невзрачную мелочь она была не в состоянии.

Как-то вдруг Лиза осознала, что дружит с Никой. Не просто занимается с ней на льду, а именно дружит. И разговаривать с ней было гораздо интереснее, чем с Женей. Она была другая, смотрела совсем другие фильмы, читала другие книги. Умберто Эко, не читать которого было дурным тоном, Ника отрицала всего и целиком: «Такие талмуды читать? Ну уж нет. Я за всю свою жизнь через один не проползу. Что «Имя Розы»? Ну да, я фильм видела. Класс! Нет читать не буду. Зачем сравнивать? Я что, зарплату за это получаю? Кинà вполне достаточно». Простенькая и незамысловатая, неспособная долго задерживать внимание на серьез-

ном предмете, поскакушка? Да, именно такой она и казалась Лизе поначалу. Но ведь она была спортсменкой, настоящей, даже медали брала в молодежке в танцах на льду. А этого с кондачка не ухватишь. Годы работы в загородке. Одна и та же работа каждый день, одна и та же ледяная загородка, одни и те же элементы. Элементы те же – уровень выше, всё выше. Повтор за повтором, раз за разом, год за годом.

Но была в этой девушке легкость, та легкость, что так не хватало самой Лизе. Ника жила словно бегом, все куда-то спешила, и всему радовалась. Сначала Лиза думала, что ей просто нравится работа, тренировать детишек, но потом ей стало казаться, что Нике вообще все нравится. Солнце светит – ура! Дождь зарядил на целый день – класс, машинка помоется. Полная группа на занятие собралась – круто, лишний червонец карман не тянет. Почти никто не пришел, гриппуют или по дачам поувозили – о, вообще песня, смогу ребятишек новому элементу обучить, в толпе-то трудно, а так до каждого доберусь. И все время у нее звонил телефон, все время она была кому-то нужна. «Да, зайка, да, конечно..., обязательно..., заметано», – она всегда соглашалась с чем-то в трубку, Лиза ни разу не слышала, что бы она кому-то в чем-то отказала. Соглашалась, бежала куда-то и улыбалась.

Зато музыку Ника слушала самую мрачную, тяжелую, вязкую, неблагополучную, зовущую в темные миры, в вывернутую реальность, в опасную глубину подсознания.

Как-то после тренировки они вышли на улицу одновременно. И одновременно остановились в стеклянных воротах Дворца. За прозрачной стеной города не было. А была буйная круговерть воды, тьмы и ветра. Дождь не шел, а валил из провисших, сизых от натуги туч тугими струями-канатами, они перекручивались между собой, с силой лупили по асфальту, разбегались во все стороны бурными потоками.

– Армагеддон, – Лиза стояла, опустив руки.

Тащиться под таким дождем до остановки или подождать, может выльется? Что-то не похоже, чтобы он собирался заканчиваться.

– Да брось ты, ерунда. Побежали, я тебя подвезу, – Ника подтолкнула ее в сторону улицы, – Вон моя ласточка, всего-то метров тридцать, давай бегом.

Но и тридцати метров хватило с лихвой. Когда девушки запрыгнули в крохотную красную машинку и захлопнули за собой двери, обе они были мокрыми, Лизино платьице прилипло к телу, а Никина футболка казалась совершенно прозрачной.

– На вот, – Ника порылась в огромной сумке, где были складированы ее и лизины коньки, спортивный костюм и бог знает, что еще, вытащила фибровое голубенькое полотенце, – волосы вытри, а то с головы течет.

Потом оттуда же выудила сухую футболку, встряхнула ее и, ничтоже сумняшася, скинув с себя мокрую майку, переделась.

– Ну вот, порядочек. Поехали. Тебе куда?

Лиза назвала адрес. Оказалось, им по дороге. Сама Ника жила на той стороне. В этом городе «та сторона» – противоположный берег реки. Старый городской центр с Кремлем находился на одном берегу реки, а часть города, выросшая за рекой, с покон веку называлась «той стороной». А мост через реку был как раз недалеко от Лизиного дома. Крохотный форд Ка вывернул со стоянки, Ника включила музыку. Чистый, манерный, слегка надорванный женский голос ввинчивался в мозг:

...В золотых цепях я утопаю в болоте

Кровь моя чище чистых наркотиков...

Потом еще что-то неразборчиво, и рефреном:

Смерти больше нет,
Смерти больше нет,
Смерти больше нет...

– Что это? – Лиза бы не сказала, что ей это нравится, но голос цеплял, не отпускал, тянул за собой:

...Я заливаю глаза керосином

Пусть всё горит, пусть всё горит...

– Песенка такая, «Смерти больше нет» называется.

– А кто поет?

– Настя и Коля. Не слышала? Группа Айспик.

– Страшноватенько.

– Да, мне тоже очень нравится.

– О чем они вообще? – Лиза пыталась понять смысл песни, но его было не много, на ее взгляд, повторялись одни и те же фразы.

– Да неважно, какая разница, о чем. Важно настроение.

– И какое же тут у них настроение? – продолжала допытываться Лиза.

– Какое у них настроение, мне без разницы. Важно какое у меня создается настроение, когда я слушаю.

– И какое?

Ника задумалась, погримасничала: вытянула губы трубочкой, потом оскалилась и снова сжала рот куриной гузкой, нахмурила брови. Наверное, пыталась понять, какое же все-таки в ней возникает настроение.

– Протестное.

Неожиданный ответ. Уж на что, на что, а на человека протестующего Ника совсем не была похожа. Она спорила ли хотя бы с кем? Лиза такого не помнила. А уж протестовать...

– И против чего ты протестуешь? Что у тебя не так? Что тебе не дается? И где? Марш протеста? Или ты с одиночным

пикетом торчишь по выходным у мэрии?

– Нет, не так. Не социальный протест, не политический. Ерунда – все эти марши «за» и «против». Дурачки туда ходят. Умники руководят, дивиденды с этого стригут, а дурачки ходят. Я про другое совсем. Это мой личный протест. Внутренний. Против мира, против всего. Всего, что есть, понимаешь?

– Не вполне.

– Протест, как способ идти вперед. Даже не совсем протест. Скорее отрицание. Ну я не знаю, как словами, чтоб понятно было. Я так чувствую. Вот знаешь, мне не надо, чтоб было дадено. Чтоб на тарелочке с голубой каемочкой. Я возьму сам.

– Сама.

– «Я возьму сам» – это книжка такая. Олди. Не читала?

– Нет. Это фантастика вроде какая-то? Фэнтази... Гоблины, хоббиты... Я не люблю.

– Нет, зайка. Это фэнтази, конечно. Но эта правильная правда. Почитай, сама увидишь.

Лиза пообещала прочесть. *«Ладно, возьму как-нибудь в отпуск что ли. Не понравится, там и оставлю»*. Она предпочитала читать бумажные книги. Листать, загибать уголки там, где остановилась, оставлять перевернутой, чтобы края мягкой обложки поднимались плавными крыльями. И стыдно сказать, ей нравилось даже пачкать их, если оставалось кофейное пятно или намертво прилипал всунутый между

страниц цветов, книга становилась более личной, более ее собственной, своей.

Доехали до Лизиного дома.

– Во двор не заезжай, пожалуйста. Мои из окна увидят, замучают расспросами «кто да что». Я добегу.

Фордик тормознул на углу дома.

– Ну пока, Лиз.

– Ну пока.

Лиза побежала прямо через раскисший газон, все равно босоножки промокли.

– Господи! Лиза! Ты вся мокрая! Немедленно в горячий душ, и хорошенько разотрись полотенцем! – бабушка, как всегда, безапелляционна, – опять будешь две недели сопли гонять!

– Где тебя носит в такую погоду?! Того и гляди гроза начнется. Разве можно по городу шляться, – мама вступила.

Ответов от Лизы никто не ждет.

Где же Ленуся? Почему она пропускает свою партию? Она должна выйти с репликой: «Что зонтиков еще не придумали? С утра дождь обещали, могла бы взять», или что-нибудь в этом роде. Но, видимо, ее нет дома, опять укатила куда-то. Вот ей не надо ни перед кем отчитываться и, уж тем более, отпрашиваться. Захотела, на турбазу свою поехала, захотела, к отцу рванула. Деду Жоре сколько лет-то уже? За восемьдесят, а он все на охоту по лесам ходит. Они, когда с бабушкой развелись, Лиза еще и не родилась тогда, дед из города

уехал, жил на хуторе один, там лес кругом, озеро большое, хозяйство охотоведческое, он егерем устроился. Ленуся ее возила туда в детстве. Лиза помнила большую темную избу, печь прямо посредине, баню. Баню дед топил жарко, Лиза ее боялась, куксилась, не хотела туда ходить. Вот сейчас бы в эту баню – греться. Она не замечала до сих пор, что замерзла. А сейчас, когда вокруг нее причитали мать с бабкой, стаскивали с нее промокшее платье, босоножки, совали в руки полотенце, включали воду в душе, *«погорячее давай, а то простудится»*, почувствовала, как холодом колет ладони, кончики пальцев, почувствовала какие зябкие у нее ноги, как у лягушки. И картинка встала у нее перед глазами: дед плещет воду на каменку, и горячий пар кидается Лизе прямо в лицо, обжигает все ее голенькое худенькое тело, она визжит, вырывается из цепких дедовых рук, орет: «Ленуся-а-а, домой поедem сейчас же!» А Ленуся, сидя на полке с веником на коленях, прикрылась от отца, хохочет.

В сентябре в музее устраивали новую выставку. «Крещенные огнем». Это Анна Леопольдовна такое название красивое придумала. В фондах лежало немалое количество медного литья, кресты, складни, иконки нательные, старообрядческие в основном, много всего. Наконец, руки дошли, все было систематизировано, каталогизировано, приведено в порядок. А тут еще музейщики из соседней области предложили свои фонды выставить вместе, и получилась выставка. И

вот день открытия уже озвучен, местные власти приглашены, фуршет заказан, а подготовка – конь не валялся: тексты не написаны, экскурсия не составлена. На все про все неделя осталась. Потом – вилы, надо материалы в типографию сдать, чтоб стенды сделали.

– Наталья Николаевна, вы когда мне материалы для стендов дадите?

– Сей минут, мне не много совсем осталось, начать и кончить.

– Мне не до шуток, в четверг надо все передать в типографию, в крайнем случае в пятницу, в самом крайнем, – Анна Леопольдовна, уже получившая по шапке от вышестоящего начальства, была непреклонна.

– Я вот Лизочку попрошу, она мне поможет, – Наталья положила на Лизин стол пачку исписанных от руки листов, – надо отредактировать.

– Но у меня же текст экскурсии... – Лиза подняла глаза на двух нависавших над ней начальниц, – и почему в бумажном виде, Наталья Николаевна, что в электронном нельзя было?

– Ну, я – старая школа, мне так удобнее, на бумаге.

«А мне – нет! Это мне сначала почерк разбирать, редактировать, потом в ящик перебухивать. Старая школа... Старая лошадь!» Но вслух только:

– Когда же я этим буду заниматься?

– А мы с тобой завтра вечерочком останемся и все окупим, – Наталья мило улыбалась.

Всегда, если нужно было остаться «вечерочком», речь шла о Лизе. Жене – собаку гулять, это святое, у Анны – Васенька, еще более святое, Верунчик найдет уважительную причину отвертеться, то у нее курсы психологические, то астрологические, то йога, то она билеты на концерт заезжей знаменитости аж за два месяца купила. Поэтому сложился тандем Наталья – Лиза, они и закрывали все хвосты, приходящиеся на «вечерочки». Завтра вторник – тренировка. Коньки, о которых в отделе никто ни сном, ни духом. Лиза заметалась. Отменить тренировку? Можно, ничего особенного. Ника не обидится. Но почему она должна отменять то, что ей нравится. Только потому, что Наталья не справилась сама? Нет, помочь она всегда готова. И даже вечером остаться. Оставалась же раньше. Но только не завтра.

– Нет, завтра я не могу.

Они смотрели на нее оторопело. Замерев. Как на заговорившую вдруг колонну. Или на пылесос, который заявил, что не будет больше чистить эти драные ковры и немедленно, прямо сейчас улетает в Монте-Карло.

– Завтра не могу... Могу послезавтра... или сегодня.

Начальницы отмерли... ожили... Чуда не случилось, пылесос не стал настаивать на отлете к лазурным берегам.

Но вторник Лиза выиграла. Она считала, что да, выиграла. Ничего страшного, посидит в среду с Натальей вечером, отредактируют они эти несчастные стенды, а в комп она и дома может это все забить, не вопрос.

Спокойно забить стенды в комп не получилось. Дома, как всегда, гремел гром и сверкали выпускаемые бабушкой молнии. Ей вдруг понадобилось найти какой-то документ, бог весть, какой и зачем. И конечно, она его не могла найти. И конечно, виноваты в этом были все, кроме нее. Ведь она прекрасно помнит, что эта бумажка, голубенькая такая, лежала вот здесь в серванте в старой коробке из-под туфель: «Слушайте, какие это были туфли! Из Риги привезла, из командировки. Кожаные, бордовые... Да где же эта чертова бумажка?»

– Это, наверняка, твой муж взял. Вечно сует нос, куда не просят!

– Мама, ну зачем ему?

– Ну не взял. Значит, потерял. Ремонт делал, сервант двигал, все вытаскивал и потерял. Никогда не смотрит, что вокруг происходит!

– Мама, мы ремонт шесть лет назад делали. И ты ни разу не хватилась этого... чего ты там ищешь.

– Не хватилась, потому что не надо было. Ты, Эля, всегда его защищаешь. Лучше бы о матери подумала.

Эту тему бабушка могла развивать бесконечно. Папе было все равно, он отсутствовал, спасался на очередной стройке.

Все трое, мама, бабушка и Ленуся ползали около старого серванта. Выгребали из него все, что долгие годы сохраняло его необъятное деревянное нутро. Этот был еще прабабушкин сервант, даже, пожалуй, буфет: снизу две деревян-

ные дверки, вечно запертые на ключ, а выше застекленное отделение для посуды. С закругленными краями. Мода середины прошлого века.

Когда-то давно, Лиза еще в школе училась, бабушка решила выкинуть все старье на помойку и приобрести новую белорусскую мебель. Ей хотелось «воздуха».

– Все эти древние гробы вон отсюда: и сервант этот, и стол, урод какой, ножищи как у слона, и шкаф из прихожей, его еще отец сам делал после войны, тогда ничего не было. Закажем шкаф-купе.

Но тогда неожиданно воспротивилась мама. Эля никогда не спорила с матерью, это был едва ли не первый раз в ее жизни. Но она встала на защиту «старья».

– Это антиквариат, мама. На вот, посмотри, – она сунула матери под нос открытый ноут со страничкой какого-то, выбранного наугад, антикварного магазина, – стол почти как у нас. Ты видишь сколько он стоит?

– Вот и прекрасно! Значит, не выбросим, а продадим.

Но дочь не позволила. Произошла некоторая перетасовка мебели в квартире. «Старье» переселилось в комнату Лизиных родителей. Прадедушкин шкаф остался на своем месте в прихожей, а сервант – на своем, впритык к Лизиному диванчику. На помойку отправились выношенные до дыр кресла-кровати, на которых в детстве спали двойняшки Эля и Ленуся. А бабушка стала счастливой обладательницей небольшой гомельдревской стенки, середину которой занял новый

телевизор. Прибавилось ли от этого «воздуха», Лиза затруднялась сказать, все-таки пять человек в двухкомнатной квартире оставляли для него не особо много пространства.

И вот теперь обе дверцы серванта были распахнуты, и оттуда выгребалось и тут же перебиралось все подряд: коробки с забытыми намертво вещами, пакеты с бумажками, баночки с чем-то брякающим внутри и другие сокровища. Лиза не могла это пропустить и присоединилась к ползающей по полу троице.

– Ой, моя коллекция монеток, – Эля открыла металлическую... Что это? Баночка? Пудреница? Или сюда пуховку совать? Или в старину волосы вычесанные дамы собирали на шиньон, может для этого?

– Не, ты лучше сюда посмотри, – Ленуся открыла старый альбом с фотографиями. – Элька, мы с тобой в первом классе! Да смотри ты, училка наша Маргарита Николаевна, девчонки, а вон, – ее палец накрыл какого-то мальчишку в последнем ряду, – Юрка.

– Где? Да! Смешной какой. Лиза, глянь, это папа.

Они совали альбом друг другу в руки, листали, тыкали пальцами в знакомые лица. Лиза никогда не видела его раньше. А может видела, но не помнила.

– А это что такое? – отвлекшись от старых фотографий, Лиза потащила из недр сокровищницы что-то плоское, завернутое в пожелтевшую газету.

Зацепила за что-то, и газета с готовностью разъехалась,

рассыпалась яичной скорлупой, выпуская наружу непонятную деревяшку. Доску? Фанерку?

Что это?

Лиза вертела деревяшку в руках. Это была доска, небольшая, как лист А-4, толщиной сантиметра три, с одной стороны на ней был какой-то рисунок. Очень темный, замызганный. Здесь, на полу, в темнеющей комнате, никто не догадался включить свет, почти ничего не разберешь. Другая сторона доски была замазана зеленой краской того противного оттенка, какой создает выросшая втихаря на забытой горбушке плесень. Замазана щедро, так, что зеленые потеки заляпали и лицевую сторону. Лицевую сторону иконы. Это точно была икона. Вернее, ее часть. С правой стороны от нее был отрублен кусок. Видимо, топором.

– Это материна, – бабушка мельком глянула, что там у Лизы в руках, – странная штука. Мать ее всю жизнь хранила, прятала. Чего там прятать-то. Старье, хлам. Наверное, еще из Тотьмы привезла.

Эля взяла икону из рук дочери, натянув на кулак рукав свитера, попыталась протереть. Толку не было. Вековая грязь въелась прочно. Колупнула ногтем:

– Люся ее забрать хотела. Помнишь, мама, она на бабушкины похороны приезжала. Мы тогда искали... Не нашли...

Люся – это еще одна Лизина тетка. Сестра Эли и Ленуси. Старшая. Лиза ее не помнит. Вот только что фотографии в старом альбоме смотрела, мама пальцем тыкала: «Люсь-

ка в школьном спектакле, мы с Люськой во дворе, это сосед снимал, муж тети Зины. Мама, ты тетю Зину помнишь? Со второго этажа, почтальоншу». Но эта девочка на черно-белых снимках ей, Лизе совершенно незнакома, а взрослых фотографий Люси у них почему-то нет. А ведь она живет не слишком далеко, в Питере. Два с половиной часа на «Ласточке», и ты там. Но они не ездят.

Утраченная бумажка, наконец, нашлась. Не в коробке изпод давно окончивших свой век туфелек, а в черном плотном пакетике. В таких раньше фотоснимки держали, чтоб не выгорали. Теперь надо было засунуть все обратно в недра хранителя старины. Но вещи, выйдя наружу, словно расправили плечи, увеличились в объемах, растопырились и никак не хотели залезать обратно в темноту и многолетнюю забытость. Заталкивая очередную коробку в сервант, бабушка отодвинула замызганную икону в сторону:

– Да пора уже выбросить эту дрянь. Теперь она никому не нужна, только место занимает.

– Не, не, не, – замотала головой Эля, – пусть Лиза ее в музей отнесет. Там почистят. Посмотрим, что это.

– Да нечего там смотреть. Мать говорила, что у них в Тотьме, в ее детстве, считалочка или песенка была. А потом оказалось, что считалочка с этой иконой связана. Ерунда какая-то.

– Нет, мам, погоди. Какая считалочка? Ты ее помнишь? Мне ж это прям в строку. Я ж статью пишу по вологодскому

устному, по поговоркам, приговоркам. А ты молчала. Это какого времени?

Поднявшись с трудом с колен, бабушка ответила:

– А шут его знает, какого, может еще с девятнадцатого века. Да я не помню...

Но Эля уже цапнула ручку и листок бумаги:

– Диктуй!

– Ой, погоди-ка... Толстый... Нет. Сейчас вспомню...

Она ж мне еще в войну, когда я в детском садике, повторяла, хотела, чтоб я выучила наизусть. Я и выучила. Зачем? Не знаю.

Бабушка замолчала. Она явно пыталась вспомнить что-то давнее, забытое, связанное с далеким временем. Она даже стала отбивать зажатым в пальцах ключиком от серванта по ладони какой-то сидящий очень глубоко, в подкорке ритм.

– Вспомнила!

Старый Петр сидит на куче,

У него на шее ключик.

С ним... не помню... какой-то петушок.

По реке плывет челнок.

Трам-пам-пам... в яме золота мешок...

Еще что-то в конце, но уж, прости, совсем не помню. Да ты, Эля в интернете посмотри, там же все есть. Найдешь.

Эти разговоры про считалочки Лизе совсем не интересны. Мама – этнограф, собирает всякие прибаутки-благоглупости. Каждому свое. А икону эту, ладно, можно реставрато-

рам подкинуть, пусть почистят. Какая-никакая, а все ж семейная ценность. В левом верхнем углу был неопознаваемый святой. Он протягивал руку вправо, скорее всего кого-то благословлял. Кого-то, кто остался на отрубленной части доски. Как раз по руке святого икона и была перерублена. Ниже был город, вернее его половина. Выписано схематично: домики на холме и церкви между ними. Когда-то, возможно, церкви были белыми, но сейчас под слоем грязи они казались желтыми, болезненно, гнойно-желтыми. Ниже города – извилистая полоса. Дорога? Река? Не разберешь. Лиза сунула доску в пакет от «Пятерочки», аккуратно завернула, убрала в свой письменный стол и тут же забыла о ней. Надо было заниматься стендами к выставке.

Игорь, Игорек, Игореша

Октябрь в этом году выдался прекрасный. На удивление теплый и солнечный. Настоящее бабье лето. Шуршали под ногами кленовые листья, но деревья не спешили оголяться, ведь можно еще пофорсить роскошными полупрозрачными нарядами. Лиза, загребая ногами сухое шуршащее («шершавое?») золото, шла по аллее сквера в Ледовый Дворец. Сколько раз она ходила по этим ставшим уже привычными, знакомыми как собственная комната, дорожкам с того дня, как Анна Леопольдовна вывела их на очередной корпоратив? И не сосчитать. Ей казалось, она может пройти здесь с закрытыми глазами. Вот сейчас за поворотом будет клумба, в честь осени обсаженная астрами, а тогда в мае на ней цвели нарциссы. За клумбой – кусты с французским именем «бульдо-неж», за ними – скамейка, манерная, с витой кованой спинкой, очень неудобная по прямому назначению, зато смотреть – красиво. На скамейке будет сидеть девочка в красной куртке. Она бросает теннисный мячик своей болонке, снова и снова, собаке надо двигаться, а то от обжорства сама уже превратилась в волосатый мяч. Девочка всегда в это время выгуливает свою Бейли. Лиза с ней здоровается.

– Привет!

– Привет!

– Как Бейли? Не похудела?

– Нет. Лопает все время. А не дашь, – плачет. Жалко ее. Я и кормлю. Пусть будет толстая. Зато счастливая.

Бейли подбежала к хозяйке, радостно сунула ей в ладонь обслюнявленный мячик. Девочка швырнула его на газон, и собака белым лохматым протуберанцем кинулась за ним.

Сегодня Лиза не торопилась. Рабочий день закончился на пару часов раньше, чем положено, в музее отключили электричество, рядом меняли кабель. Радуюсь «концу света», музейщики разбежались кто куда. Лиза знала, что, если явится домой, будет уже не вырваться. Там со вчерашнего дня дым коромыслом, вернулся папа со своих «строек», мама с бабушкой дружно его воспитывают и ее заставят, ну попытаются, по крайней мере, заставить поучаствовать в этом процессе. Ну хотя бы молчаливого одобрения от нее будут добиваться. Она зашла в кафе, чашечка капучино с пирожным не повредят, и потихоньку двинула на тренировку. Но как ни растягивала свой привычный маршрут, сколько ни притормаживала, фотографируя на телефон космически-фиолетовые астры, перевернутое в луже отражение тонкой раскрасневшейся осинки, безмятежность низкого осеннего солнца, развалившегося на перине облаков, во Дворец она пришла раньше времени, до занятия было еще минут двадцать. *«Ладно посижу там на трибуне, в фейсбуке пошарюсь».*

На катке было почти темно, свет приглушен, только пара наклонных световых столбов, тянувшихся из-под высокого

потолка, пересекалась на льду, выхватывая из мрака скользкую под музыку пару. Фигуристы, высокий парень и хрупкая, от силы до плеча ему, девушка, оба в черном, самозабвенно танцевали под Адажио Альбиони. Рыдала труба, партнеры тянули друг к другу руки, пытались слиться в единое целое, но музыка разводила их, разбрасывала в разные стороны. Вот им удалось сойтись, он подхватил ее, поднял ломкое тело над головой, закружил, опустил к самому льду, стараясь укрыть собой, спрятать от этой безжалостной всепроникающей музыки. Но музыка не сдавалась, она снова и снова вставала между ними, снова и снова уносила девушку, как пушинку, от ее надежного защитника. И сколько он ни пытался догнать, удержать свое счастье, неумолимая мелодия обрекала влюбленных на вечную разлуку. *«Счастья больше нет»*, – плача, выпевала труба. И вот она, наконец, умолкла, оставив в холодном серебристом круге два скорченных тела, так и не сумевших соединиться.

Лиза стояла в темном проходе. Стояла и смотрела зачарованно. Она сама была там, в этой безнадежной музыке, в этом безнадежном стремлении обрести любовь. Стояла, не шевелясь. А может быть, и не дыша, она не знала. Но музыка стихла, чары развеялись... Парень и девушка поднялись, подъехали друг к другу, обнялись.

– Эй, свет давай, – крикнул парень, глядя вверх, махнув кому-то в темную высоту.

И вспыхнул свет. Лиза зажмурилась. А когда снова гля-

нула на мир, оказалось, девушка – это Ника. И вот она уже едет прямо к ней, улыбочивая как всегда, будто и не умирала только что на льду от любви и безысходности.

– Лиза, зайка, привет. Ты что-то приранилась нынче. Видела? Понравилось?

Лиза только кивнула в ответ, разве такое могло не понравиться.

– Это наш показательный номер. Мы с ним на Европе выступали. Четвертое место тогда заняли.

– Я бы первое дала.

Ника рассмеялась:

– И я бы дала, да меня не спросили. Я тогда в обязательной напортачила, ну и все, пьедестала – не видать. Да ладно, проехали уже, сто лет в обед.

И повернувшись, крикнула парню, который, оставшись у противоположного борта, натягивал на себя толстовку:

– Игорь, давай к нам, я тебя с ученицей познакомлю.

И снова Лизе:

– Игорь, мой последний партнер. Оттанцевали, все, конец спортивной карьеры. Пенсионеры. Это он меня сюда из Питера перетащил. Там работы не найти, таких как мы – полон двор. Разве что в Варшавском Экспрессе инструктором подрабатывать, там каточек с кошкин лоб, и лед – бр-р, мерзость. Я ходила, думала устроюсь все же. Нет, сил не хватило. Это знаешь, как если бы ты всю жизнь была капитаном роскошного парусника, ну «Катти Сарк» к примеру, а потом

тебе говорят: «Теперь будете по этому пруду с тиной и лягушками в жестяном корыте плавать». А тут у вас мы нарасхват, мастера, элита тренерского коллектива. Пока еще свои вырастут. На пенсию успеем с почестями и оркестром уйти.

Лиза слушала ее вполуха. К ним приближался Игорь. Высокий, очень красивый. Очень. Даже с избытком. *«Ну пусть бы у него нос был что ли картошкой или уши оттопыренными. Нельзя же чтоб так. Чтоб так похож».*

В зале музея висела икона XIII века «Никола Липный», большая доска, выше Лизиного роста. Почему-то ей он особенно нравился. Аскетичное, с высокими скулами лицо. С легким изломом приподнятые дуги бровей делали его слегка удивленным, словно не нагляделся он на людей за восемьсот лет, не перестал дивиться им. Он не казался старым. Завитки бороды были не седыми, скорее белокурыми. И волосы тоже. Только легкие залысины и морщины на лбу от переживаний и улегшихся страстей, выдавали возраст. Медово-коричневый образ притягивал ее. Приходя по утрам на работу, Лиза обязательно заходила к Николе, здоровалась с ним, пробегая мимо по своим делам, мысленно махала ему рукой как старому приятелю. Она и не думала молиться, просить его о чем-то, просто смотрела ему в лицо, в строгие вишеня глаз, говорила с ним. С ним ли? Скорее сама с собой. С той другой собой, что жила внутри, за веками закрытых глаз, в темноте сжатого висками разума. С той, что спорила, что оценивала, что смотрела на Лизу, слегка усмехаясь. За

четыре года это стало для нее и привычкой, и потребностью.

И вот теперь навстречу ей скользил по льду Никола Липный, только еще молодой, еще не траченый проведенной в христианских подвигах жизнью. Те же татарские скулы на узком лице, те же изломленные тонкие брови, та же белокурая вьющаяся борода, такие же блондинистые волосы, только забраны в хвост, перетянуты пестрой резинкой. И тот же строгий застылый темно-карий взгляд. Но вот подъехал, улыбнулся широко, и иконописный лик пошел трещинами, рассыпался, слетел шелухой. Перед ней стоял самый обычный тридцатилетний парень, сразу видно, спортсмен, натренированное тело, широкие плечи, сильные руки.

– А давайте после занятия ко мне поедem? Лиз, ты как? Посидим, музыку включим, поболтаем. Суши закажем. Игорек, давай, а?

– Да, Ничка, знаю я твою музыку. Наслушаешься, всех убить хочется. И тебя первую.

– Да ну тебя, – Ника толкнула его кулачком в бок, – мы сто лет не виделись.

– Конечно сто, полгода меня и не было. Но если ты столь искушалась, поехали, согласен.

Лиза слушала их болтовню и думала, ехать ли. Вот они очень свои между собой, ясно дело, столько лет вместе, тренировки, сборы, соревнования, общая жизнь. А она? Да, с Никой они уже точно подруги, Лиза и дома у нее бывала не по разу, и «музычки» Никиной смертоносной уже наслуша-

лась, привыкла. Но своя ли она Нике – еще вопрос. А уж этому красавцу запредельно прекрасному всяко чужая, не своя. Нет, не надо ехать. Отговориться чем-нибудь, дескать опаздываю, и домой – на семейное ристалище. Но уже приняв это решение, уже открыв рот, чтоб отказаться, поняла, что, отказавшись, пропустит что-то крайне важное, определяющее. *«Но тогда мы можем опоздать на всю жизнь»*, – эта фразочка из старого детского мультика выскочила из пыльных глубин подсознания, и Лиза выдохнула:

– Поехали.

Она позвонила маме, сказала, что опять задержится на работе, попросили помочь систематизировать фонд прикладного искусства, что делать, не откажешь ведь, а потом они с Женей пойдут в кино, сегодня в «России» ретроспектива Тарковского. Мама повздыхала, разве можно быть такой безотказной, и пусть Женя тебя обязательно домой довезет, одна по городу не ходи так поздно. *«Да, мамочка, конечно, мамочка... Когда я превратилась в такую врушину? Смешно, более чем взрослая девица, а вру матери как старшеклассница, спешащая на первое свидание»*, – Лиза вздохнула. Она всегда чувствовала себя некомфортно во вранье, ей казалось, что сразу это все видно, как нижнее белье, надетое поверх платья. Но дома вроде бы ничего не замечали. Пока, по крайней мере.

И после «трынпроцесса», как сказал Игорь, они втиснулись в Никину ласточку и поехали.

Когда Лиза, наконец, добралась на цыпочках до своей постели, раскладного икеевского диванчика, предусмотрительно разобранного для нее, чтоб не гремела среди ночи, бабушка уже спала, похрапывая через раз, и Ленуся тихонько сопела в две дырочки. Комнату они делили втроем, во второй спали родители. Устроившись, закрутившись в одеяло и водрузив на ухо думку, она решила, что не будет вот так сразу спать, а переберет, передумает все нынешние события. А ведь это были СОБЫТИЯ!

В маленькой съемной никиной студии, нарочито полупустой в пользу простора хоть какого-то, они сидели на стянутых на пол диванных подушках, ковыряли китайскими палочками суши с картонных тарелочек, запивали белым итальянским вином. Бутылка и самые простецкие, чуть ли не граненые стаканы тут же под ногами.

– Пино гриджио могут делать только итальянцы. То ли у них земля подходяща для этого сорта, то ли сам виноград несколько иной, – со знанием дела рассуждал Игорь. – У французов ихний пино гри – сущая байда, кислятина жесткая, шмурдяк. А здесь, вы сами, девчонки, почувствуйте, покатайте каплю на языке, из самого заурядного сорта получается тонкое, нежное вино, Никакой лишней кислотности.

Ника подтрунивала над ним:

– Слышу речи начинающего алкоголика. Ох, Игорек, сопьесси, – подперев щеку кулачком, причитала, – потеряет те-

бя общество, лишится солнца своего незакатного.

Бормотала из динамиков Настя:

Мир подарит сколько просишь, заберёт, когда не ждёшь
Не играю в твои игры, ты когда-нибудь умрёшь...

Но веселья не портила.

В одиннадцать Лиза засобиралась.

– Надо двигать. Согласно легенде, сеанс в кино закончился. Минут через сорок я должна быть дома.

– Контролируют? – Игорь слегка усмехнулся в кулак, сделал, вид, что треплет завиток бороды.

– Не то слово, – махнула рукой, – сейчас начнут названивать.

Лиза вытащила телефон из сумочки, включила звук. До этой поры он мирно спал, вроде как в кино звонки не приветствуются. Не успела выпустить его из рук, сразу зазвучало: «Та-та-та-та-а-а...», бетховенская тема Судьбы. «Да, мамочка... Уже еду... Да, Женя подвезет», – отключилась, сунула поспешно мобильник в сумочку, будто он жег ей руки.

– Все, побежала. Всем – пока.

Игорь поднялся:

– Провожу.

– Да не стоит, доберусь.

– Не должно барышне одной в нощи рыскать, аки тать али зверь лутай.

– Господи, это откуда?

– Да ни откуда, сам сейчас придумал.

«Если бы он знал, как подходит ему эта «старославянская» ахиня, как она у него звучит. Автохтонно. Все-таки похож, похож на Николу».

Ника начала собирать посуду:

– Ладно, идите, сама тут как Золушка виться буду. Целых три стакана вымыть, да еще две тарелки. Хорошо хоть вилок вам не дала, а то до утра бы провозилась. Игорек, ты завтра на лед придешь?

– Не знаю даже. Завтра может мать на дачу повезу сезон закрывать. Как она решит. Позвоню.

– Ладно.

На улице уже, когда из подъезда вышли спросил:

– А Женя – это кто?

И Лиза ответила:

– Друг.

И замолчала.

Начал сеяться мелкий, невидимый в темноте дождик. Только под фонарями в белых пузырях света он колыхался легкой почти прозрачной пеленой. До моста шли без слов. Только что в тесной Никиной квартирешке болтали, смеялись. Он рассказывал, где пропадал полгода. Ничего особенного, не в кругосветку ходил. Сначала к отцу в Питер, да там еще всякие дела надо было закрыть, это он уклончиво обрисовал, Лиза не особо поняла, что-то со спортом. А Ника, ви-

дать, поняла с полуслова, сразу так с прищуром холодным: «Ну-ну... Оно тебе надо? Не заморачивался бы...»

А потом с парой приятелей они устроили «пивной тур», поехали по Европе: Бухарест – Будапешт – Братислава – Вена – Прага – Берлин. Автобусами, электричками, где и авто-стопом, ночевали в хостелах, самых дешевых, где по пятна-дцать рыл в комнате, причем обоего полу. Вот тут уж смеш-ных случаев было не счесть. Где-то, Лиза забыла где, в Ру-мынии что ли, уже набравшись пива, как Игорь сказал, «по верхнюю рисочку», они ночью полезли в чей-то яблоне-вый сад. Лезли через высокий забор, пыхтели, потом оказалось в десяти метрах – открытые настежь ворота, но в темноте-то не видать. И вот крадутся они по саду, а весело, потеха прям, смехом давятся, шикают друг на друга, яблоки обрывают и за пазуху напихивают. Зачем им эти яблоки, они и сами не знают. Приключение. Тихо кругом, темно.

И вдруг в лоб им свет бьет, мужик какой-то, за светом не видно, как заорет чего-то, явно матерное, хоть и иностран-ное, и собака залаяла. Они, не стовариваясь, развернулись и дёру. Забор перелетели, как и не заметили, неслись в пол-ном мраке через какие-то буераки, спотыкаясь, срываясь в ямки, куда, бог весть. Наконец, остановились, отдышались, а в рядах – недостача, одного, Лёнчика, не хватает. Весь хмель сразу сдуло. Пошли обратно искать. Мобилками светят, зо-вут: «Лёнчик, Лёнчик...» Без толку.

Вернулись к самому тому саду, на этот раз прямо к воро-

там. Там тишина, как не было никакого шухера. За воротами кондейка небольшенькая, в окошке свет занавеской приглушенный. Ну чего, надо идти. Подошли, тут из будки псина вылезла. Здоровенная, собака Баскервиллей. И не лает. А так потихонечку их обходит и от ворот отжимает. Обратной дороги нет. Собакина цепь об какую-то железку звякнула – дверь в домушке открылась, мужик вышел. Давешний. В руках винтарь. Он винтарем махнул, заходите, мол, и сам – в дом вернулся. Ну вошли. Знаешь, так на полусогнутых, стремно все-таки. Угробит тут и в саду своем зароет, чтоб яблоки крупнее росли. Короче вошли, а там Лёнчик сидит за столом и с мужиком этим, это сторож был, ракию распивает.

Тогда сидя на полу и привалившись спиной к дивану, Лиза смеялась этим байкам. И ребята, Ника и Игорь, казались ей своими, и она сама тоже была здесь своя. А сейчас, когда они молча шли через мост, рядом, но не вместе, Лиза чувствовала – чужая.

Во двор Лиза его не пустила, предпочла расстаться на углу, в мертвой для обзора из окна зоне. Остановилась в темном сыром проходе между стеной и кустами сирени, черными, практически уже облетевшими.

– Пока. Спасибо, что проводил.

Махнула рукой. Он поймал ее ладонь, притянул к себе и быстро поцеловал. Так быстро, что она не успела отпрянуть. Напряглась, оперевшись свободной рукой ему в грудь, и тут же обмякла, перестала сопротивляться, сама потянулась, от-

давая свои губы: «*на, пожалуйста, мне не жалко*». Они целовались долго, Лизе казалось очень долго, вечность, до звона в ушах, до легкой щекотки в горле. Он делал это умело. Главное, он делал это так, как ей нравилось. Тот невеликий опыт, что она приобрела в этом деле раньше, когда еще была студенткой, был не слишком успешным. То ли партнеры ее сами толком не умели целоваться, а оказалось, это тоже нужно уметь, то ли просто не нравилось им, или жалко было время терять на пустяки, надо по-быстрому к главной фазе переходить.

Наконец, насытились, отпрянули друг от друга, задохнувшись. Но совсем он ее не отпустил, по-прежнему сжимал ее правую ладонь.

– А как же Женя?

– Что Женя? – не поняла Лиза, «*Женя? При чем здесь Женя?*»

– Женя, твой друг?

– А-а, – Лиза смотрела на него снизу-вверх, но сейчас ей показалось, будто наоборот сверху, – Женя – да. Это подруга моя, мы работаем вместе. Она не будет против.

Лиза засмеялась. И он тоже. И поцеловал ее ладошку. И ушел. А она полетела домой. И крылья ее были легки и прозрачны, и осыпалась с них волшебная золотая пыльца.

– Я поеду одна!

– Ты с ума сошла, Лизок. Куда ты поедешь одна? Зачем?

Ленуся поедет с тобой. Подожди неделю. Всего одну неделю, семь дней, – бабушка настаивала.

Она артистически выдерживала паузы, она расставляла ударения: «КУДА ты поедешь одна? ЗАЧЕМ?» Бабушка была неумолима. Как Судьба. «Та-та-та-та-а-ам...».

– Она сдаст свои дела на базе и поедет с тобой. Ее уже отпустили. Тебе же все равно, когда ехать.

– Я поеду одна!

– Может ты с Игорем собралась ехать? Тогда так и скажи.

– Я... поеду... одна!

– Эля, ты же мать! Скажи ей! И где твой муж? Позови его. Что он там в комнате сидит? Пусть скажет ей. Она поедет с Ленусей!

Лиза сидела на кухне за столом, в самом углу. Вырваться оттуда она не могла, выход перегораживали своими телами мать и бабка. Они взывали к ней. Они воздевали руки. Они поднимали очи горё. Это была высокая трагедия. «Электра». Представление длилось уже двадцать минут и готово было перейти в стадию «У меня давление разыгралось. Где тонометр? Господи, я этого не вынесу. – Мама, приляг, я сама с ней поговорю. Юра, иди сюда, скажи хоть слово, что ты всегда молчишь, тебе нет дела до собственной дочери? ...» После этого страсти утихнут.

Обычно такие представления разыгрывались в сторону отца. Прожив более четверти века со своей тещей, он до сих пор не научился соглашаться с ней. До сих пор высказывал

свое мнение по всяким там семейным вопросам. А кто, звиняйте, этим его мнением интересуется? Кому оно надо? Засуньте его себе, сами знаете, куда. Но ему было проще, он все время был где-то, дома реже, чем в отъезде. В девяностые, когда те, кто не умел ничего, ни таскать тачки с заграничных автопомоек, ни выстраивать финансовые пирамиды, ни покупать-продавать все подряд по принципу «товар отдельно, документы отдельно», все те, кто был готов работать, но не мог понять где, ушли в ремонты-стройки. «Отделка квартиры (офиса) под ключ» – стало их жизненным кредо.

А что? Какой мужик дрель в руках не держал? Ты что, Петрович, обои клеить не умеешь? Кафель класть? Я как-то сам на кухне положил, нормально, жена не жаловалась, ничего не попадало. И там оказались все: вчерашние мальчишки-мажоры, которым сломала бизнес свобода торговли, учителя, инженеры, пенсионеры, задыхавшиеся от безденежья, мужики и бабы состроек: маляры, каменщики, сантехники. Кто попало. Квалификацию у них никто не спрашивал.

Там же оказался и Лизин отец. А где еще он мог зарабатывать со своим образованием: местный кулек, культпросветучилище, спецуха – художественная роспись по дереву. Да он и не работал по ней никогда, опять же теща пристроила на «Полтинник», завод по производству полупроводников имени Пятидесятилетия Октября, мастером. Там платили не плохо. А потом все схлопнулось. Никому эти полупроводники и микросхемы («самые большие микросхемы в ми-

ре») стали не нужны. Но Юрка Вихров – молодец. Выкрутился. Сначала его приятель пристроил в бригаду, что новый бизнес-центр строила. Ну не строила, конечно, приспособливала старое заводское здание под бизнес-центр. Заказчик был богатый, платили хорошо и почти вовремя. Правда должность тогда у него была «подай-принеси». Но осмотревшись, он сам раскрутился. Как центр тот сдали, Юрка самых дельных мужиков подговорил, они из бригады ушли и свою контору открыли. По ремонту. Под тот самый ключ. И ничего, дела пошли. Он и руководить, и заказы добывать наловчился, сначала ТОО, потом ООО открыл, бухгалтершу нанял, все чин чинарем. А главное, сам руками научился все делать. Пришлось. Чтоб не вкручивали: это сложно, это дорого, а это вообще невозможно. И квартиру сам отремонтировал, обои, плитка, ванная, сортир, сантехника, даже мебель на кухне сам собрал. Тут уж теща ничего не могла сказать, усть нечем.

Сегодняшний сыр-бор разгорелся из-за Лизы. Она заявила, что взяла в счет отпуска две недели и уезжает в санаторий в Беларусь. Не хочет, не собирается, не думает о том, чтобы..., а уезжает. Послезавтра. Одна. В конце ноября. В эту гриппозную пору. Чёрти куда, на перекладных, сначала поездом, а потом еще автобусом. Зачем? Почему? Ничего нельзя понять. Она и не ездила никогда одна. Всегда либо с мамой, либо с Ленусей, либо с ними обеими. А тут на тебе. Какой-то каприз.

Это был не каприз. Они просто не понимали. Это все Игорь. Игорь, Игорек, Игореша. Это все из-за него. Бежать, спрятаться, забиться в нору, скулить, зализывать рану, ловить слезы языком. Остаться одной. Не здесь, не на виду, по-дальше отсюда. Чтобы не достали, не видели, не говорили ничего, не жалели. Перетерпеть, привыкнуть, жить дальше. Улыбаться.

После того поцелуя под бесстыдно голым и мокрым кустом наступило счастье. Счастье, это когда он звонил ей по несколько раз на дню, все время присылал в мессенджере какие-то смешные картинки, и каждый раз какую-нибудь свою подпись. Когда ждал ее после тренировки и подвозил до дома на своем ниссане. Когда таскал ее по кафешкам, кормил то каким-то невообразимым стейком («Уверен, ты такого никогда не пробовала, это мраморная говядина»), то мелкими корзиночками из слоеного теста с чем-то похожим на сладкий омлет («Ты что, это же португальские народные паштелки, это не омлет никакой, это крем-брюле, жареные сливки. Ты вообще-то знала, что у нас в городе есть настоящая португальская кафешка?»). Когда бродили по пожухлой траве, вдыхая прелый осенний запах, далеко за городом. И к резиновым сапогам прилипали бронзовыми денежками березовые листики. А потом, сидя в салоне машины, пили очень сладкий чай из термоса, осторожно передавая друг другу единственную горячую кружку.

Уже через два дня он встретил ее после работы и отвез

в гостиницу. В номер с почасовой оплатой. И она не отказалась. Все вышло очень просто и естественно, без долгих расусоливаний. Он решил, она согласилась. Теперь Лиза жила так: три раза коньки, два раза гостиница. Выходные дома с ноутом в обнимку.

Он ничего не говорил ей о любви, о будущем, которое могло быть позже, чем через неделю. Он весь был здесь и сейчас. И там, где был, захватывал всё и всех. Заставлял людей вращаться вокруг себя. И они вращались. Радостно.

Через две недели она привела его домой. И он понравился всем. Бабушка была вообще в восторге, он подарил ей камею. Почему ей, а, например, не маме, Лиза не могла понять. Может сразу понял, кто у них тут генерал? Теперь, если дома знали, что она с Игорем, все были спокойны. За город – пожалуйста, на пару дней на Ленусину турбазу – на здоровье. Игорь – это надежно.

Однажды он пришел к ней в музей. В первый раз. А ее не было на месте, услали на другой конец города, в филиал, посмотреть кое-что там в фондах. Он заказал себе индивидуальную экскурсию по картинной галерее. Ходил по залам с Натальей, внимательно слушал, кивал головой, расспрашивал. Поход по залам растянулся на два с половиной часа. Наталья заливалась соловьем, давно ей не попадался столь внимательный и столь интересующийся искусством экскурсант. И это она, заметьте, предложила ему выпить чашечку кофе в отделе. На правах самого старшего научного сотрудника

пригласила его в музейное нутро. Когда Лиза подошла к дверям кабинета, оттуда доносился дружный женский смех. С удивлением открыла дверь, нечасто у них бывало такое веселье без всякого на то повода. И что же? За Натальиным столом вольготно расположился Игорек, он что-то рассказывал, дирижируя маленькой белой чашечкой, вокруг него – все музейные дамы, включая и Анну Леопольдовну. Все дружно попивали кофеек, да не просто так, а сдабривая его коньяком. Начальница не поскупилась, выдала его из своих «репрезентативных» запасов.

– А, вот и Лиза! – все разом обернулись к ней.

– Лизавета, мы тебя отпускаем, – Наталья, раскрасневшаяся, то ли от мензурки коньяка, то ли воодушевленная своим недавним выступлением, замахала на Лизу пухлыми ручками, – идите, идите. Завтра отчитаешься.

Игорь поднялся из-за стола, и (О! все были сражены окончательно и бесповоротно, теперь он мог повести их за собой куда угодно, в бой, на край света, в космические дали...) поцеловал руку сначала Наталье, а затем Анне. Слегка поклонился, подхватил свою куртку, пошел навстречу все так же стоявшей в дверях Лизе, взял ее под локоток и увел. Она даже пикнуть не успела, даже «до свидания» сказать. Так и ушла остолбенелая.

– Что ты им сказал?

– Сказал, что я американский продюсер и увожу тебя в Голливуд.

– Нет, ну правда...

– Что я твой побочный брат... Вновь обретенный. Такой, знаешь, индийский сюжет.

– Ну врешь же. Ну что ты им наговорил? – она пыталась на него рассердиться.

Надо же, не предупредив, явился к ней на работу, сидел там полдня, болтал всякую чушь. Но сердиться не получалось. Она тоже вращалась вокруг него. Сама чувствовала это. И отказаться не могла.

Лиза стояла у кассы в зале вокзала, ее послали покупать билеты, начальство отъезжало в столицу на конференцию. Можно было купить билет через интернет. Но начальство уперлось: «А как я буду отчет в бухгалтерию сдавать? Кто у меня компьютерную распечатку возьмет. Это же финансовый документ!» Идти пришлось, конечно, Лизе, другие варианты не рассматривались. Касса была закрыта, технологический перерыв. Лиза смотрела в окно на перрон. Там маялись бездельем встречающие питерскую Ласточку. И тут она увидела, как на платформу вышел Игорь. Тоже ждет ее? Кого же он встречать собрался? Лиза хотела выйти к нему на улицу, но тут как раз вернулась кассирша и убрала прозрачную загородочку с окошечка. Лиза стояла первой, значит прямо сейчас отойти не получится. Но ничего, сейчас она возьмет билеты – и к нему. Как назло, кассирша долго возилась, забивая в систему паспортные данные Анны Леопольдовны, что-

то напутала, стала исправлять...

Когда Лиза с билетом в руке снова обернулась к окну, питерский поезд уже подошел, из открытых дверей стали выходить пассажиры. Она поискала Игоря глазами. Вот он заглядывает в окошко, машет кому-то рукой. Из вагона вышла девушка, и Лиза сразу поняла, это ее встречает Игорь. Поняла за мгновение до того, как увидела: он широко раскинул руки, а девушка, завизжав, бросилась навстречу, подпрыгнула и повисла на нем, обхватив и руками, и ногами, и он закружил ее. Девушка была совсем молоденькая, девчонка, лет шестнадцать-семнадцать, ну восемнадцать от силы. Джинсики с дырами на коленях, (*«не холодно же ей»*), ярко-розовая курточка, рюкзачок за спиной, личико мелкое, только глаза большие, цвет не разглядеть, рыжие лохматые патлы во все стороны. Не фотомодель. Он прижимал ее к себе, а она целовала его куда придется, в лоб, в нос, в бороду. Он смеялся.

Он смотрел на эту девчонку так радостно, будто держал в руках великое сокровище. Смотрел с любовью. Издалека было видно, что это любовь. На Лизу он так никогда не смотрел.

А потом они ушли с платформы. Ушли обнявшись, тесно прижавшись, поглощенные друг другом, светящиеся счастьем.

А Лиза осталась стоять за стеклом. Замороженная. Одна. В темноте.

Только где-то далеко, за гранью вселенной, звучали шаги

уходившей судьбы: «Та-та-та-та-а-ам...»

Курс лечения несчастной любви

Лиза лежала на шезлонге, закрыв глаза. Сквозь веки и темные очки все равно чувствовался горячий ослепительный свет. Шум прибора, далекие крики чаек, легкий бриз щеко-тал разогретую кожу. За окном хлопьями падал снег. Окно в Комнате Солнца было огромное, во всю стену. Казалось, можно встать на границе этого игрушечного лета с нарисованным на стене морем, протянуть руку сквозь прозрачную пленку, разделяющую две реальности, и в ладонь доверчиво опустятся мохнатые снежные зверики.

– Елизавета, вы бы не загорали так долго, солнце хоть и искусственное, а сгореть можно по-настоящему.

Села, спустив ноги на пол, пошарила ими в поисках шлепанец.

– Да, пожалуй. Спасибо, Людмила Георгиевна, пойду поплаваю.

Она приехала сюда под вечер, к самому ужину. Заселилась в свой роскошный номер, студию с полустенкой, отделяющей кровать от гостиной зоны с диваном, телевизором, журнальным столиком и парой пейзажиков неизвестных никому художников. Дополнительным роскошеством был комплект посуды: ложки, тарелки, чайные чашки. Правда, чайника в номере не водилось. Зачем тогда чашки?

Под окном – газон, на него белой полупрозрачной вуалью

ложился по утрам снег, чтобы уже к обеду исчезнуть, раствориться в зелени невянувшей даже поздней осенью травы.

В огромной, как спортзал, столовой, набрав себе всякой еды в тарелку, Лиза блуждала из конца в конец, ни одного свободного столика не было. Наконец ее окликнула какая-то женщина:

– Девушка, вы мимо нас уже третий раз дефилируете, присаживайтесь, у нас свободно.

За столиком у окна сидела пара: пригласившая ее женщина, а правильное, пожалуй, дама, лет пятидесяти, стройная, в светлом свитерке, стрижка современная, ассиметричная, слегка разлохмаченная, нарочито небрежная, волосы, видимо, крашенные, каштановые, и ее спутник, про таких обычно говорят «настоящий полковник»: красиво вылепленная голова, крупное строгое лицо, расправленные плечи, хотя было ему верных шесть десятков.

– Спасибо.

Познакомились.

– Людмила Георгиевна.

– Борис Семенович.

– Елизавета.

Попозже, когда Лиза вышла прогуляться по санаторию, посмотреть, что где, она встретила их обоих у бильярдного стола.

– Сыграйте с нами, Елизавета.

– Да я не умею. Никогда не играла.

– Тогда откуда вы знаете, что не умеете? Попробуйте.

Ну что ж попробовать можно. Борис Семенович очень толково все ей объяснил, как держать эту штуку, которая кий, куда смотреть, как пальцы ставить. Она ударила. Шарик выскочил через борт, с грохотом рухнул на пол.

– Ну вот видите. Я же говорила, не умею.

– Давайте еще раз. Получится, я уверен. Не боги горшки обжигали.

И правда, стало получаться. И даже один шар ей удалось закатить в эту тряпочную сеточку в углу стола. И тогда Лиза почувствовала азарт. А еще ей понравилось смотреть на них. На этих стариков. Нет, ну не то, чтобы совсем стариков, особенно она, но... Да, не важно. Они были так предупредительны друг к другу: «Боренька, может окно прикрыть? Дует. У тебя же еще вчера горло болело», «Людочка, я принесу тебе палантин? Нет? Не холодно?» Это выглядело трогательно.

«Они прожили вместе, рядом, бок о бок огромное количество лет, притерлись друг к другу. Давным-давно они страстно любили друг друга, может им пришлось преодолеть какие-нибудь трудности, разлуку... Теперь их любовь вылилась в обоюдную нежность. Лебединую. Мне бы так, много-много лет, целую вечность... рядом...» – в груди заворчалось, заскребло лапками, заскулило брошенным щенком горе – *«у меня так не будет... никогда... Игорь, Игорь, Игорек, прощай...»*

На следующее утро на завтраке Бориса Семеновича не бы-

ло, Людмила Георгиевна сидела за столиком одна.

– Доброе утро, Елизавета. Присаживайтесь.

– Здравствуйте. А где Борис Семенович?

– А он уехал. С утра пораньше.

– Как уехал? Куда? Что случилось?

Лиза опешила: уехал куда-то без своей Людочки, вот дела. Глядя в ее удивленно вытаращенные глаза, Людмила Георгиевна рассмеялась:

– Домой уехал. К себе в Тверь.

Помолчала, еще посмотрела на Лизу, кивнула самой себе, будто поняла что-то, и добавила:

– Вы видимо решили, что мы – пара, супруги или любовники. Ничего подобного. Просто приятели. Познакомились здесь в «Соснах» четыре года назад. И с тех пор приезжаем сюда примерно в одно время, списываемся, согласовываем свои варианты и вперед. Еще парочка друзей у нас есть из Москвы. Только они нынче еще раньше уехали. Я одна осталась.

«Вот те на», – думала Лиза. Она сидела, опустив лицо пониже в тарелку, чтобы не видно было как она покраснела. «А я-то понапридумывала с три короба: страсть, разлука, Ромео и Джульетта, песня лебединая... Дура набитая. Господи, до чего неудобно получилось».

Людмила Георгиевна не то, чтобы шефство над Лизой взяла, но снабдила ее кучей полезных советов для санаторной жизни.

– Вы, Елизавета, возьмите себе побольше процедур всяких. Тут кроме как на процедуры ходить, да в столовой отъедаться – делать нечего. А так не заскучаете. Я вон не просыхаю с ура до вечера: бассейн, жемчужные ванны, грязи, водный массаж. Так и бегу по коридору от одного корыта к другому, зажав трусы и лифчик в кулаке и капая с головы себе за шиворот.

Лиза так и сделала. И не пожалела. Пока носилась с процедурной книжкой туда-сюда, мусолить свои несчастья было некогда. Жалеть себя, плакать о доле своей несчастной некогда. Образ вероломного обманщика Игорька отступал, потесненный массажем воротниковой зоны и водорослевыми обертываниями. После ужина устраивали концерты, в санаторий приезжали местечковые знаменитости: певцы в стиле молодого Хиля или Витаса, камерные ансамблики: пара мандолин и виолончель, хоры с народными песнями и плягерами прошлого века. Если концерта не было в самом санатории, подавался автобус для доставки всех желающих на такие же зрелища к соседям.

Лиза ходила на концерты, на все, будто обязана была отсматривать эти номера, будто она на работе. Это помогало.

Сердце потихоньку заживало, затягивалась ранка, зарастала корочкой. Главное не дергать, не царапать воспоминаниями. На ночь, уже лежа в кровати она читала Олди. Дрязги и страсти в семействе древнегреческих богов ее не трогали, но она старалась читать внимательно, пристально, не отвле-

каться от страниц, чтобы не унестиcь ненароком в свои мысли. Главное – не распускать крылья. Главное – не взлететь в холодную пустую высоту одиночества. Главное – привыкнуть. Она вцеплялась в книгу как в якорь: *«Держи меня»*.

«Это герой должен быть один. А почему я? Я – не герой. Я не хочу быть одна», —молча кричала Лиза.

«Не хочешь, а будешь» – тихо отвечала ей та, другая, внутренняя.

Рано или поздно приходилось закрывать глаза.

И тут накрывало. *Бежать, спрятаться, забиться в нору, скулить,лизывать рану, ловить слезы языком.*

Она скулила. Ей снился Игорь. Она бежала за ним, звала, он уходил куда-то... Она кричала, громко. Господи, как громко она кричала. Она и не подозревала, что умеет так громко кричать. Он оборачивался. Улыбался. Смотрел по сторонам: кто это его зовет(?) – он не видел ее. Она подбегала, вставала рядом, заглядывала ему в глаза. Там, у него в глазах, было солнце... луг... трава шелестела... двое шли, взявшись за руки... далеко, почти у горизонта... Но, если приглядеться, видно – это Игорь и та девчонка, мелкая, рыжая. Рыжая смеялась. Громко. Поэтому он и не слышал, как Лиза звала его.

Лиза просыпалась. То ли от своего крика, то ли от этого грохочущего смеха.

Потом засыпала опять.

Карусель. Лошадки. Бегут по кругу. Музыка, одна и та же

повторяющаяся звуковая фраза: ля-ляля-ля... Как шарманка. Лиза, почему-то маленькая, лет пяти, на лошадке... Кружится. Она счастлива. Музыка, лошадка, карусель. Парк возле Кремля. Река недалеко. Запах воды.

Игорь. Он в центре карусели. Лиза кружится вокруг него. И никакая она не маленькая. Взрослая. Вращаться вокруг Игоря – счастье. Она счастлива.

Игорь не смотрит на нее он смотрит вверх. Там, вверху ничего нет. Просто небо. Лиза тоже смотрит вверх. Там девушка. Смешливая рыжуха. Ямочки на щеках. Игорь поднимается к ней. Куда? Лиза смотрит вниз, в центр карусели. Там пусто. Совсем пусто. Черная дыра. Холод. Лиза вращается вокруг пустоты, холода, дыры. Каждый радиус короче предыдущего. Лизу ждет дыра. Черная. Холодная. Пустая. Навсегда. Страшно.

Лиза просыпается от своего крика. Или от воющей в дыре пустоты.

Потом не уснуть. Долго.

Потом наступает утро. И снег плетет свою холодную кисею на газоне под окном.

– Вы знаете, я первый раз одна поехала. Без мамы, без Ленуси. Это тетя моя, Ленуся. Они никуда меня не отпускают. Может это и хорошо. Уютно. Я не жалуюсь.

Что она хотела донести до этой совершенно чужой женщины, зачем начала рассказывать про себя? Может просто

«эффект купе»: вывалить, то что гложет, не отпускает, и разойтись. Исповедь. Чтобы не в пустоту. Чтобы живому, теплему. Чтобы человеку. Чтобы слышал, кивал, соглашался, а потом забыл.

– Мама исторический закончила. В нашем институте. Она в Питере хотела учиться, но ее не пустили, мама не разрешила, ее мама, в смысле, бабушка моя. Они даже поехали поступать, документы подали, а потом вернулись. Как-то сразу. Не знаю почему. Не говорили. И я тоже на истфак поступила. Тогда уже это университет был. Я в музее...

Они вдвоем стояли на пустом берегу озера. Издалека по холодной чуть наморщенной глади плыл к ним лебедь. Озеро было огромным, дальний берег едва угадывался более темной полоской между одинаково серыми небом и водой. Лебедь, изогнувший шею, белел точно посередине этой глянцевой открытки. Привыкший к подачкам, он торопился к берегу. Рассчитывал получить свою порцию булки или еще чего-нибудь человеческого.

Лиза рассказывала, глядя на картинного лебедя. Потом перевела взгляд на свою спутницу. Та улыбалась. Чуть склонив голову к плечу, слушала, смотрела пристально и улыбалась. Того и гляди, расхохочется. *«Что смешного-то? Она надо мной что ли смеется?»* – Лиза остановилась посреди предложения.

Не дождавшись продолжения, Людмила Георгиевна хмыкнула. Помотала головой: *«Ну и ну!»* и сказала:

– В музее, Лизок? Как мама Эля?

«Лизок» резанул ухо: откуда она...? Это только для внутреннего пользования... больше никто ее так не зовет...

– Лизок... Я ведь тебя последний раз видела..., да, тебе года четыре было. Ты в комнате спряталась. Так и не вышла. Боялась чужих.

Слово «чужих» прозвучало как-то очень печально, хотя она продолжала улыбаться. Наверное, Лиза выглядела оторопело. Людмила Георгиевна похлопала ее слегка по плечу и добавила:

– Я тетка твоя. Сестра Эли и Ленуси. Старшая. Неужели не слышала?

И обалдевшая Лиза выдохнула:

– Вы Люся? – И спохватившись: – Ой, простите, Людмила Георгиевна.

– Зови меня Люсей. Ладно?

Лиза кивнула:

– А вы меня – Елизаветой. Пожалуйста.

Через два дня ее вновь обретенная родственница собиралась уезжать. Она складывала вещи, Лиза сидела рядом в кресле. Люсин номер не отличался скромностью: две комнаты, в гостиной – белая мебель, едва смахивавшая на стиль кого-то из Людовигов, стеклянная витринка с сервизом, большой телевизор, в спальне – кровать с резным тоже белым изголовьем. Правда тумбочка только с одной стороны, а

ночника вовсе нет. Уютом эта провинциальная помпезность похвастать не могла. Эти два дня Лиза и Люся провели вдвоем с утра до вечера. Лиза рассказала про себя все, ну почти все: и про Нику, и про коньки, и про то, что это страшная тайна, и дома об этом не знают. Про Игорька не стала говорить, болело до сих пор. Она узнала много нового про свое семейство. Правда, почему ее тетя, как уехала сразу после школы из родного дома, так почти ни разу и не возвращалась, она не поняла. Та только отмахивалась: да ну, что там делать, в Питере гораздо интереснее. Но видно, что-то там все-таки было, какая-то черная кошка пробежала между нею и всеми остальными. Давно. А раз давно, то это не Лизино дело. Нечего и лезть.

– Слушай, Елизавета, а у тебя еще сколько дней осталось? Ты когда уезжаешь?

– Через пять дней.

– А поехали со мной! Чего ты тут будешь. Скучища же. Развлечения для старперов. Поехали. Я тебе Питер подарю. Не покажу. Именно подарю. Весь твой будет, начинай поглощать с любого конца.

– Нет, я... Как же? – Лиза замешкалась.

Ей никогда не приходило в голову, что можно запросто сойти с маршрута. Ну да, было запланировано одно: сидеть в лесной глуши в одиночку, мучиться, выздоравливать потихоньку от своей неудачной любви. А теперь вот предлагается совсем внезапно: ехать в Питер, гулять там, бродить под зон-

том по набережным, заглядывать в незнакомые подворотни, пить капучино на Невском. А театры? А в Русский метнуть-ся? И это показалось ей таким заманчивым, таким вкусным.

– А что я дома скажу? Они же с ума сойдут. Меня сюда-то со скандалом выпустили.

– А ничего не скажешь. Про свои коньки же не сказала. Приедешь домой, когда положено, день в день. А пока эсэм-эски слать будешь: «Все в порядке». Ну что, поехали?

– Поехали!

Лиза сидит в Люсиной машине. Они едут в Питер. Дорога не близкая. Оставим же ее здесь, тем более, что она, кажется, задремала.

Лиза спит, и не знает, что перестала быть главной героиней нашего сумбурного повествования. Теперь у нас есть новое лицо. Люся. Давайте же посмотрим на нее более внимательно.

Люся

Дорога в Ленинград

Девки сидели на подоконнике в большой комнате, а Люся на коленках на стуле перед ними, она раскачивалась, старый венский стул скрипел. Люся учила наизусть стихотворение. Она бесконечно повторяла, то по учебнику, то, поднимая от него глаза: «...Блестя на солнце снег лежит...» Девки внимательно слушали. Они смотрели на нее своими круглыми пуговичными глазами, а Люся смотрела поверх двух темно-волосых головок в окно. Там было солнце, и на этом солнце что-то блестело во дворе, может и снег. Там, во дворе, было хорошо. Но надо было учить, и Люся снова и снова повторяла: «...Пора, красавица, проснись, Открой сомкнуты негой взоры...негой взоры... чего-то там... Авроры». Стул скрипел, Элька и Ленуся слушали.

Вдруг одна из девочек завывала. Вот только что все было хорошо, и вдруг это «А-А-А!» Выла Ленуся, а Элька испуганно уставилась на нее, и было понятно, что сейчас тоже завоет. Ленка давно уже сосредоточенно сосала канцелярскую скрепку, вертя ее так и этак в цепких маленьких пальчиках. Но скрепка коварная, она вдруг наделась на передний зубик и застряла на нем. Намертво застряла. Увидев торчащую из

распахнутого ленкиного рта скрепку, Люся испугалась. Она уже хотела позвать бабушку, но ее нет – ушла в магазин. Значит, надо самой. Она же за них отвечает. Она подергала скрепку: та сидела прочно. Ленуся прибавила обороты, и тут же в унисон взвыла Элька. Двойняшки сидели на окне и орали.

– Тихо вы, оглашенные, – прикрикнула Люся.

Потащила малышку на себя, усадила на колени и полезла пальцами ей в рот, пытаясь раскатать скрепку. «*Не проглотила бы*». Скрепка передумала сопротивляться, и, отпустив молочный зубик, осталась в Люсиной ладошке. Ленусин рот захлопнулся. В тот же момент перестала орать и Элька. Люся вытерла им обеим мокрые от слез мордашки:

– Пошли, кафенти дам.

Ей нравились детские слова. Своих она, конечно, помнить не могла, а за сестренками повторяла: «кафенти» – конфеты, «паткуда» – откуда, «блякоко» – глубоко, «телемпатула» – температура. Она полезла в комод, где бабушка прятала от них леденцы или подушечки. Бабушка перекладывала их каждый раз на новое место, но Люся всегда безошибочно находила сладости. Пошарив в верхнем ящике, для этого ей пришлось придвинуть стул и влезть на него, она выдала сестренкам по барбариске. Те уселись на полу и начали сосредоточенно разворачивать леденцы.

– Пойдем, лучше погуляем, – решила Люся.

Стихи и на потом можно оставить. А в школу – во вторую

смену, времени еще навалом.

– Гулям, гулям, – обрадовались двойняшки.

Оставив фантики от конфет посреди комнаты, они понеслись в прихожую. Толстые рейтузы, вязаные носки, кофты... – девочки старательно одевались. Наконец, обе были почти готовы. Люся завязала веревочки связанных бабушкой красных капорочков, застегнула пуговицы на пальтишках, натянула варежки на четыре ладошки, завязала шарфики сзади под воротники.

– Идите на лестницу, а то вспотеете.

Пока Люся одевалась сама, быстро-быстро: «*Как бы с лестницы там не сверзились*» – рейтузы-кофта-носки-сапоги-пальто-застегнемся по дороге, близняшки на лестнице не скучали. Поехали по ступенькам на фанерках: грохот и детский визг. Путаясь в шарфе, с шапкой в зубах Люся выскочила на лестницу, маленькие ползали на нижней площадке на четвереньках, прилаживались съезжать дальше. «*А может и мне?*» – и, усевшись на свою фанерку, Люся покатила следом за двойняшками.

На шум открылась дверь на втором этаже, и оттуда выставилась на площадку тетя Зина, толстый живот обтянут новым фартуком с ромашками, руки в муке:

– Люська! Это ты тут бабахаешь? Я уж думала, землетрясение. Гуляйте, гуляйте, девчата. Потом зайдите, я вас булочками угошу.

Тетя Зина добрая, она не заругается. Больше никого сей-

час в подъезде нет, на работе все. А тетя Зина – почтальонша, она рано на работу уходит, зато и приходит рано, вон уже дома и булки с корицей печет. На весь подъезд запах.

Люся повела своих сестер на горку, каждая тащила свою фанерку. Фанерки у них – залюбуешься – гладкие, заноз не нацепляешь, углы скругленные, это папа такие им сделал. Лучше любых санок катятся. А горка во дворе высокая деревянная. Летом на ней и под ней дети во что только не играют, и в пиратов, и в дочки-матери. А зимой горка – королева. Как морозы начнутся, всем двором ее заливают и катаются с утра до вечера. После школы так вообще на ней, как в переполненном автобусе – толкотня.

Когда три года назад двойняшки родились, в доме такой сыр-бор начался, я вам дам. Люся помнит: мама с роддома вернулась, этих двух кукляшек запеленутых на кровать положили. Это дедушки с бабушкой кровать. Высокая. До верха только Люсин нос достает. С металлическими спинками, с блестящими шариками. На кровати – подушки под накидкой. Накидку бабушка сама делала, «мережка» называется. Под кроватью – банки с вареньем. Люся любит туда забираться, ползать там в пыли за стеной из банок, как в лабиринте. Пока мама ее не вытащит: «Опять вся изгваздалась!»

– Бабушка, покажи сестричек.

Бабушка взяла одну кукляшку, опустила пониже, чтоб Люсе видно было. Малышка молчит, только глазки хлопают,

кукла и есть. И вдруг ротик открыла, маленький, розовый, игрушечный. Бабушка говорит:

– Кушать хочет.

Их сначала в ящике от комода устроили. Вытащили ящик, на пол поставили, одеялко старое бабушка разрезала, перешила, сделала матрасик. Туда обеих и положили. Потом уже, пару лет спустя читала Люся «Денискины рассказы», и там тоже девочку в ящик от комода укладывали, как ее сестричек.

И сразу вся жизнь в доме пошла наперекосяк. По ночам девки орали. Заплачет одна – за ней другая. Мама их к себе в кровать уложит на подушки: одну с одного бока, вторую с другого. Папа стал в прихожей ночевать, там тахту ему поставили и телевизор. Ему же на работу, а он не выспится. Люся понимает. Она сама тоже в одной комнате с малышами спать не могла; по сто раз за ночь орут, будят. Ее бабушка к себе в комнату забрала, теперь Люся там на диване ночует.

А еще купать их каждый вечер. В бабушкиной комнате; а это большая, главная комната в квартире: там стол – старинный, с толстыми фигуристыми ногами. Люся вокруг него на велике ездит, а под ним, под столом, за стеной свешивающейся скатерти – у нее дом. Она там играет. Вечером на стол ванночку ставят, воду приносят и купают их, кукольных малышей, но настоящих, живых. Люся смотрит. Ей даже разрешают полить этих беленьких пупсиков из кувшина.

А еще ходить на молочную кухню за кефиром. Им специ-

альный кефир нужен, не тот, что в холодильнике в бутылке. Мама уходит туда внутрь, стоит там в очереди долго, а Люся на улице ждет, с двухместной синей коляской. Смотрит как стекает вода из водосточной трубы. От нечего делать сует под струю рукав своей новой, купленной на вырост, шубы. Гладкий мех на рукаве закурчавился от тех купаний. Шуба большая, тяжелая и неудобная, Люсе ее не жалко. Потом мама выходит. У нее в руках белые бутылочки с детским кефиром. На них натянуты рыжие резиновые соски, длинные как морковки. Мама видит мокрый Люсин рукав, ругается. Потом они идут домой.

Девочки отнимали у мамы все время. Ей было не до старшей дочери. Да к тому же измотанной и от этого постоянно раздраженной маме лучше не попадать под руку. Теперь Люся старалась все время проводить с бабушкой Юлей. А если той не было дома, она сбегала на улицу.

Улица. Огромный мир лег Люсе под ноги. Не только двор, где она гуляла каждый день. Нужно пройти его насквозь, завернуть за гаражи и кочегарку, потом быстро пробежать через чужой двор. Как можно скорее, чтоб не заметили его обитатели, не привязались, чего она здесь ходит. Завернуть за угол магазина «Подписные издания» и оказаться прямо перед универмагом. Универмаг, двухэтажное здание с широким парадным крыльцом – по ступенькам можно прыгать на одной ножке – полно всяких сокровищ. Ходить от прилавка

к прилавку, разглядывать женские шляпы, сумочки, разноцветные коробочки неизвестно с чем. Потеряться среди вещей с платьями или пальто. *«Надо обязательно привести сюда подружек со двора, будем играть в прятки»*. Забраться в пустую будочку кассирши, найти здесь круг бумажной ленты, на которой печатают чеки, и тихо играть, пока тебя не обнаружит уборщица: «Девочка, ты чья?» И тогда быстро убежать: «Ой, меня мама ждет!»

А можно равнодушно пройти мимо универсама, перейти дорогу и спуститься на берег реки. Здесь на дебаркадере стоит магазин водников «Поплавок». Сюда Люся ходила с дедушкой. Он работал в портовой конторе кем-то, кем она не знала. Дедушка был «инженером» и «водником», значит, это его магазин. Он покупал ей подушечки – маленькие квадратные леденцы в сине-белую полосочку с повидлом внутри, шершавые от сахарной обсыпки, Люсины любимые. Дедушка умер через полгода после рождения сестренки. Бабушка тогда еще так непонятно сказала: «Скорпионы... Когда рождаются, кто-то уходит...» Люся не поняла, но запомнила.

От «Поплавка» можно пойти берегом. Пройти под мостом, ведущим на ту сторону. В воде мелькают рыбы спинки. На песке валяются сточенные рекой обломки кирпича, тонкие рыжие пластиночки. Ими можно рисовать на асфальте. Это если лето. А если зима, здесь можно кататься на лыжах. Лыжня проложена вдоль реки, она уходит куда-то в дальние дали мимо Кремля к виднеющейся чуть ли не у

горизонта монастырской колокольне и еще дальше к скиту. Что это за скит такой, Люся не знала. Все говорили: «Скит», и ладно.

Если есть в кармашке двадцать копеек, можно подняться от реки в парк. Тут прямо на горке карусели всякие. Чашки, что водят хоровод друг за другом, качели-лодочки и на высоком столбе карусель «Ромашка». Сядешь, цепь перед собой на крючок накинешь, и полетели... Над рекой, над зелеными верхушками деревьев, над красной стеной Кремля.

– Люсенька, ну почему опять тройки? И по русскому, и по геометрии. Восьмой класс же. Ну как отчислят. Ты же умная девочка! А пойдешь в пэтэу с троечниками, – бабушка ворчала потихоньку, вздыхала.

Мать только что как следует отругала Люську за тройки. А чего такого-то? Год еще только начался, успеет еще исправить. Ни в какую путягу она не собирается. Она в Ленинград уедет – в театральное. И тройки, кстати, потому что некогда было. Придумали контрольную по геометрии в начале учебного года давать. А у них – спектакль ко Дню учителя. Суперский. По «Ревизору». Подкороченный слегка, чтоб в тридцать минут уложиться. Другие же тоже выступать хотят. Называется «Сцены из...» А у Люси самая главная роль: городничиха. Ну да, главная. На ней все действие в этих «Сценах» держится. Каждый день после уроков репетируют. Не до геометрии.

Но бабушку жалко. Она переживает. Сама-то всего три класса в школе успела закончить. Не до учебы было: сначала матери помогала, та слегла на несколько лет, ноги отказали, потом вообще – революция.

– Ну ба-а, девки вон вообще на одни тройки учатся. И ничего. Их не ругаете.

Бабушка печет булочки с маком. Сейчас уже будет доставать противень из духовки. Поэтому Люся с кухни не уходит, терпит ее ворчание.

– Так что ж, Люсенька, у них-то одна память на двоих. Им трудно. А ты, вон, еще в четыре года «Бородино» наизусть рассказывала. На елку к нам в театр придешь в костюмчике гусарском... Помнишь костюмчик-то? Как начнешь: «Скажи-ка, дядя...», дак тебя не остановить, пока до конца не дойдешь. Дед Мороз, Василий Петрович наш, уж и так тебя, и этак: «Молодец, девочка, вот тебе пряничек...» А ты, знай, шпаришь.

Люся помнит. И костюмчик, его бабушка сшила по портрету Лермонтова: ментик с эполетами, мундирчик коротенький, темно-зеленый, кивер. Каждый год она в нем на Новый год фотографировалась. От снимка к снимку костюм становился все меньше. Нет, конечно, не так. Это Люся росла. И как на елках с «Бородино» выступала – помнит. Это еще что. Вот ее одноклассница Светка Трифонова, та с «Железной дорогой» Некрасова отжигала. Надоумил же бог родственников, родителей или бабу, читать маленькой девоч-

ке это страхопудило. Встанет ангелок в беленьком платице с блестками на стульчик и оттуда: «Сё там? Тайпа мейтцев!» – «*Представляю, как народ веселился*».

Люся выросла в театре... Нет, к сожалению, к артистам, к этому уникальному, замешанному на особых дрожжах, племени она не имела никакого отношения. Она жила там, за сценой, в кулисах. Вряд ли кто-то замечал маленькую девочку, прошмыгнувшую темным коридором, или играющую в одиночестве среди реквизита. Ее время начиналось утром, пока артистов в театре не было, и заканчивалось с их приходом. Бабушка Юля работала в театре дежурной и гардеробщицей. Была одной из тех незаметных женщин, что играли Его Величество Театр, как короля играет свита. А вы думали, театр играют только артисты? Ха-ха. Люся с самого детства знала театр с изнанки. Задний двор за высокой кирпичной стеной: здесь выбивали костюмы – фашистские мундирчики со свастикой и средневековые камзолы, шитые серебряной тесьмой. Полутемное фойе с роялем и картиной Айвазовского «Девятый вал». Буфет для артистов на втором этаже, куда простым смертным хода нет, и где в очереди за граненым стаканом чая и бутербродом с сыром стоят Баба Яга – тот же Василий Петрович – Дед Мороз и соседка по дому Полин-Митревна – костюмерша. В костюмерной Люсе доставались самые красивые лоскутки.

Она показывала сестрам, Эле и Ленусе, свой театр. Здесь,

в ее театре всегда было тихо и сумрачно. Только дежурное освещение. Большие пространства кутали углы в серые тени, теплые и пыльные. За сценой можно было найти огромную мягкую куклу Шапокляк, дублершу живой артистки на тот короткий момент, когда рассвирепевший лев Чандр швыряет ее в оркестровую яму. Поиграться с ней, перебрасывая тряпчатое чучело друг другу. Пройти полутемным коридором второго этажа между высокими дверями «Директор», «Художественный руководитель», зайти в репетиционную и побрякать на пианино. Можно шуметь сколько угодно, в театре никого нет. И весь он принадлежит сейчас Люсе.

Она видела все спектакли. Не по разу. И приключения семейки каких-то придурочных грибов, этот спектакль показывали на новый год, и она смотрела его день за днем, стоя в самом дальнем углу зрительного зала, там, куда ее запускала билетерша. А сидя ей, маленькой, было ничего не видно за чужими спинами. И местные постановки: «Коварство и любовь», «Соломенную шляпку», «Дом», и спектакли заезжих гастролеров.

Однажды, она тогда училась в пятом классе, в город приехала французская пантомима. Настоящие французы. Всего один спектакль. Билетов, конечно, было не достать, да они и не пытались. Бабушка пообещала пропустить Люсю с мамой. Но они опоздали. Все из-за мамы. Она прособиралась: причесаться, нагладить платье, накрасить глаза. Чего там краситься-то? Все равно в темноте сидеть. В резуль-

тате они пришли поздно: в дверях служебного входа встал цербер-администратор: много вас тут, халявщиков, идите за контрамарками. А контрамарки – не для всех, для родственников и знакомых лиц, гораздо более значительных, чем театральная гардеробщица. Но Люся сдаваться не собиралась. Оставив маму на улице у входа в театр, она обежала здание, открыла калитку в кирпичном заборе. «Золотой» ключик ей дала бабушка, провести не смогла через кордон, но путеводную ниточку подкинула. Пробежала задним театральным двором и позвонила в звонок на неприметной, совсем не парадной дверце. Это вход в хозяйство костюмеров и бутафоров: швейку и склады костюмов и реквизита.

– Ты чего тут, Люська? – костюмерша открыла дверь.

– Полин-Митревна, пустите нас с мамой. Мы на спектакль пришли, а там уже не пускают.

– Да? А ну как поймают? Мне за вас по шапке получать не охота.

– Ну, вы просто дверь пока не закрывайте. Мы проскочим. Я дорогу знаю.

Костюмерша, тетка по натуре добрая, но боявшаяся любых неприятностей как огня, подумала, пожевала губами, вздохнула.

– Ладно, Люська. Я счас уйду, а потом приду через пятнадцать минут и дверь запру. Успеете?

– Успеем! Спасибо, Полин-Митревна!

– Спасибо... Спасибо на хлеб не намажешь. С тебя пря-

ничек, Люська.

Это был такой театральный пароль: «С тебя пряничек». Подразумевать он мог что угодно. В данном случае – ничего, это Полин-Митревна обычно угощала Люсю и ее сестренку то пряничками, то конфетками.

И Люся понеслась обратно за мамой. Пока ее не было, к маме пристроилась еще какая-то мадама в шляпе и с ней – взрослый мальчик. Оказалось, с маминой работы, можно даже сказать, ее начальница. Пришли на лишний билетик. А никаких лишних билетиков и в помине нет. Пришлось Люсе тащить их за собой, и мадаму эту, и ее сына. Почти бегом они бросились к задней двери. Оттуда Люся повела свой отряд на второй этаж: лестница... коридор... Надо торопиться, спектакль уже начался. Люся махала рукой своим спутникам: «Давайте, давайте, не отставайте!» – и неслась вперед. Коридор вывел их на сцену. Да-да, прямо на сцену. Но сбоку, в кулисах. Из зала их было не видно, а вот артист, дядька в классической для мима полосатой майке-тельняшке, очень удивился. Сквозь его белый грим было заметно. Он даже бормотнул что-то, хотя в пантомиме слова не полагались.

На сцену выходили две ложи. Та, что справа, если смотреть из зрительного зала, была просто ложей, там сидели зрители. А вторая считалась «правительственной», билеты в нее не продавались, и со стороны зала она всегда была заперта. Зато со стороны сцены ложа закрывалась на простой откид-

ной крючок. Именно сюда, Люся и вела свою команду. И вот они, как воры, наконец, пробрались в «правительственную» ложу и устроились там на «правительственных» стульях.

Люся всегда знала, что будет артисткой.

А кем еще? Что она зря что ли столько лет ходила в кружок в ДК Профсоюзов? А в школе? Как только Эля и Ленуся пошли в школу, пятиклассницу Люсю назначили вожатой первоклашек. И она организовала театр. Не настоящий, само собой, куда малышне – кукольный. Сами делали кукол для «Теремка». Сначала лепили головы из пластилина: медведь, зайчик, лисичка и остальные. Потом обклеивали эти болванки мелкими обрывками мокрой газеты, сверху – кусочками белой бумаги. Это называлось «папье-маше». Потом аккуратно разрезать эту голову бритвочкой. Вытащить пластилин, и снова склеить уже пустую. Раскрасить. Сшить «тело» куклы, то, что будет надеваться на руку. Тут очень пригодились лоскутки, натащенные Люсей из театральной костюмерной.

В общем, несколько лет Люся летела к своей цели, сверкая звездой на школьных подмостках и в кружке дома культуры.

И вот, благополучно закончив школу: никаких троек, только четверки и пятерки, она едет в Ленинград поступать в театральное училище. Ленинград – самый лучший город на свете. Сколько раз они приезжали сюда на экскурсии с классом. Автобусом. Рано утром выезжали, три часа в пути,

потом Петродворец или Пушкин, вечером – в театр. Ну еще обязательно в гастроном какой-нибудь большой: всем же дали денег на колбасу и сыр. А еще можно купить пепси-колу или фанту. Фантастика!

Ей до сих пор не нравится вспоминать этот день. Этот экзамен. Полное фиаско. Она была абсолютно уверена в себе, точно знала, что поступит. И стихи выучила так, что от зубов отскакивало, и станцевать могла вполне прилично: у них во Дворце Профсоюзов был преподаватель сценического движения. Дядька, правда, даже не второй свежести, но двигался, и их учил двигаться так, как на сцене полагалось. Выступила она здорово. И не стеснялась. Никакой зажатости.

И что? Ее срезали сразу. Откуда ей знать, что она понравилась комиссии, даже очень. Но, простите-извините: никто, и звать никак, провинциальная девочка, а надо принять того и этого, сына или племянника, или еще кого. А эта... Если будет настойчива, придет на следующий год... Всегда так было... Нормально...

Откуда ей знать.

Она обиделась.

Жестко и горестно. И не найдя себя в списках допущенных к следующему экзамену, опустошенная, пошла не в общежитие вещи собирать, пошла куда глаза глядят. Понимая, что этот красивый чужой город только поманил и посмеялся над ней, *«поматросил и бросил»*. И поедет она, Люся, обратно домой, и мама скажет: «Я так и знала». Мама всегда так

и знала. Как ей, Люсе, надо себя вести, что делать и куда поступать. В институт водного транспорта, куда же еще. Мама его закончила. И дедушка. Там все схвачено. А театральное: «Ля-ля-ля-тополя – кому это все надо – это не профессия – фигня на постном масле». Может и, правда, фигня. Они же ее, Люсю, не оценили. Сидели кобры очкастые и козлы слюнявые, старые, смотрели: «Читайте... Покажите...» Что она не прочитала, что ли, не показала? Что вы еще хотели?

Она все шла. Погода хорошая. Солнышка не видать, все в дымке серебристой. Тепло. От асфальта марево поднимается. Такой день – акварельный, полупрозрачный, слегка смазанный. Прекрасный – если бы не Люсины горести. Она на набережную вышла. Потом мост. Нет, она не по первому мосту перешла. По следующему. От Эрмитажа – на Васильевский остров. И опять вдоль воды. Снова мимо мостов, одного и второго.

Она не очень-то и соображала, где идет, куда... Обиду из себя выветривала. Смирялась. С тем, что домой поедет. Ни в какой водного чего там институт поступать не будет. Лучше дома в кулек, в культпросвет. Туда-то возьмут. Год проучится и снова попробует в театральное... Или ну его совсем... Домой не хотелось. Там ее жалеть будут: как же, замахнулась... а ей по носу.

...По носу. А что это такое перед носом? Объявление: «Приглашаются монтажники телевизионной аппаратуры... Предоставляется общежитие...» Кто тут? – Производствен-

ное объединение имени Козицкого.

Люся стояла перед низким, как это часто было в Ленинграде, окном, и на уровне ее лица висело объявление о наборе. Да мы уже сказали кого. Мы только не сказали, ну не пришлось к слову, простите, что там у себя в городе в последних двух классах средней школы Люся, как и остальные ее одноклассницы, проходила практику на местном телевизионном заводе. Сидели девчонки на конвейере, совали связки проводов в блоки питания будущих телевизоров, паяли эти проводки. Люся называла это «хвосты вязать телятам». Но хвосты там или не хвосты, а корочки им всем выдали. Так что оказались девчонки, и Люся в том числе, теми самыми монтажниками телевизионной аппаратуры, которые вот прямо сейчас посреди улицы требовались. И могли рассчитывать на общежитие.

И Люся понеслась. По указанному в объявлении адресу. Со своими корочками. Слава богу, взяла из дома все, что имела, не только аттестат.

Уже вечером того же дня, что начался так бездарно, что пытался вышибить ее обратно домой, Люся стала ленинградкой. Ну не совсем еще. Но место в общежитии она получила. А все формальности – на завтра. А работа? Да лучше на заводе в Ленинграде, чем ... Чем где угодно.

Еще нужно было позвонить домой и сказать. Это не так просто. Радостно маме в ухо: «Нет, не поступила... да, провалилась... нет, домой не приеду... устроилась на завод...»

И получить порцию вечных маминых «ятакизналов» и еще кое-чего: «Немедленно домой! Какой завод! Ты с ума сошла! Я приеду завтра!» Можно потянуть время. Сегодня сказать, что сдала. И после следующего экзамена через три дня, когда она соберется с силами, да и уже отработает пару дней, вот только тогда позвонить домой и признаться. Нет. «Померла, так померла». И Люся отправилась звонить.

Она знала только один междугородний телефон – на Московском вокзале. Прямо как с платформыходишь в большой зал с памятником Ленину, по правую руку были три или четыре полукабинки, облицованные черным кафелем. Если бы кафель был белым, то получились бы душевые в их городской бане на Инженерной улице. Только вместо жестяной леечки под потолком – телефонный аппарат на стене. Когда ее сестренки были совсем маленькими, в ванной постоянно было что-то замочено, то детские шмоточки, то взрослое постельное белье. Бабушка стала ходить с Люсей в баню по субботам. Вот в такую вот кабинку. Ходить в общее отделение мама им не разрешала: там грязь, грибок и микробы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.